

**ВИТАЛИЙ
ГЛАДКИЙ**

**ОТБРОСИ ЖЕ
СТРОСЮ ЖЕ**

— Хотелось бы услышать, на что именно мы можем рассчитывать? — спросил Жерар де Вийе, разом отбросив задумчивость. — Во-первых, на мою защиту. До Москвы не дотянется ни король Филипп, ни, тем более, папа римский. Во-вторых, вам будут бесплатно представлены земли. В-третьих, я хочу пригласить ваших воинов в свою дружину. И, в-четвертых, Москва готова принять любое количество изгнанников, принадлежащих к Ордену Храма. Жерар де Вийе даже немного опешил. Он не поверил своим ушам. То, что предлагал князь Московский, было пределом его мечтаний.

Тень

Торквемады

Остросюжет

Виталий Гладкий
Тень Торквемады

«ВЕЧЕ»

2015

Гладкий В. Д.

Тень Торквемады / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Остросюжет)

В начале XIV века французский король Филипп IV Красивый ликвидировал Орден тамплиеров, конфисковал его богатства и добился упразднения ордена папой римским. Отныне тамплиеры стали изгнанниками. Они могли найти убежище только в земле русов, где папская булла не имела никакой силы. По пути, в устье Ладожского озера, на Ореховом острове они закопали свои сокровища. В XVI веке испанский король Филипп II, ставший самым могущественным правителем в Европе, повел беспощадную борьбу с противниками католической религии. Узнав от Великого инквизитора, что тамплиеры основные сокровища вывезли в Московское княжество, в поисках денег для войны он пускается в авантюру. На поиски направляется миссия, в состав которой, под видом купца, входит прожженный авантюрист и пират... А древняя карта с планом Орехового острова и таинственными пометками на ней спустя века попадает в руки археолога Тихомирова!

© Гладкий В. Д., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Вместо предисловия	5
Пролог. Хольмгард, 1307 год	6
Глава 1	28
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виталий Гладкий

Тень Торквемады

Вместо предисловия

В году 6815 от сотворения мира привезли в Новгород калики заморские на 18 набойных насадах несметное множество золотой казны, жемчуга и камни драгоценные, чем поклонились князю Юрию, владыке и всем людям. Затем мореходные странники пожаловались встречавшим на всю неправду князя галлов и папы.

Из Новгородской летописи XIV века

Пролог. Хольмгард, 1307 год

Море было спокойное и ярко-синее, как высоко ценимый аристократами и купечеством рытый венецианский бархат. Неяркое северное солнце стояло в зените, и его лучи, отражаясь от гребешков небольших волн, разукрасили борта парусного судна разноцветными солнечными зайчиками. На палубе, неподалеку от шлюпки, расположился капитан – высокий костистый датчанин – и философски созерцал открывающиеся перед ним морские дали. Он сидел на удобном раскладывающемся стуле со спинкой и меланхолично прихлебывал подогретое вино со специями – несмотря на ясный солнечный день, воздух над Балтикой был стылым, и промозглая сырость заползала за ворот, вызывая неприятный озноб.

Корабль, которым командовал датчанин, явно не принадлежал к торговым. В его обводах отчетливо просматривалось влияние боевых судов викингов – стремительных, быстроходных, опасных, как змея перед броском. Корабль имел обшивку внакрой, резко скошенный форштевень и навесной руль. Мачта стояла посередине и удерживалась вантами, а рей, опускавшийся на палубу, нес большой прямоугольный парус. Клотик мачты венчал крест. На бруссе форштевня был закреплен треугольный помост с зубцами – для стрелков. Боевая палуба занимала около половины длины судна и поднималась над основным корпусом на стойках. Форштевень и ахтерштевень украшали резные морды вепрей со вставленными в глазницы кусками прозрачного хрусталя и огромными клыками. Фигуры окрасили в темно-красный цвет, и на этом фоне желтовато-белые моржовые клыки производили жуткое впечатление. Казалось, что звери были живыми.

Корабль был флагманом эскадры витальеров – пиратов Балтийского моря. В кильватере флагмана тянулись еще семь быстроходных судов, и весь этот хищный строй готов был в любой момент прибавить прыти и ринуться на брюхатые, тяжелогруженные посудины ганзейских купцов. Они находились где-то впереди по курсу и пока прятались у горизонта в легкой туманной дымке. Предводитель витальеров это точно знал, благо, шпионы пиратов сидели в каждом порту Северной Европы, поэтому матрос в «вороньем гнезде», закрепленном на мачте чуть выше рея, всматривался вдаль до рези в глазах.

Пиратство в Балтийском и Северном морях началось с так называемого «берегового права», которым издавна пользовалось население морских побережий. Согласно этому неписаному, но узаконенному обычаю, любой человек, нашедший предметы, выброшенные морем на берег, автоматически становился их владельцем. «Береговое право» распространялось также на потерпевшие крушение и выброшенные на берег корабли. Неудивительно, что многие береговые жители легко поддавались искушению слегка «помочь» Провидению – например, немного сместить буй или погасить сигнальный огонь, чтобы гонимый ветром корабль наскочил на риф или сел на мель. Так прибрежные жители превращались в разбойников, грабителей и убийц.

Потерпевших кораблекрушение не только не спасали от верной смерти, но, наоборот, убивали без всякой пощады (если несчастным удавалось доплыть до спасительного берега), чтобы затем обобрать их трупы (по «береговому праву» человек мог считать найденную на берегу вещь своей собственностью лишь в случае, если после кораблекрушения никто не уцелел). Так прятались концы в воду, а мертвые, как известно, не кусаются.

От разбоя берегового до разбоя морского оставался всего один шаг, который и был сделан в пору раннего Средневековья, когда начался стремительный рост морской торговли. Около середины XII века крупнейшие торговые и портовые города Северного и Балтийского морей во главе с Любеком и Бременом объединились в торгово-военный союз – Ганзу¹. С тех пор на

¹ Ганза – союз немецких свободных городов в XIII–XVII вв. в Северной Европе для защиты торговли и купечества от

виду у береговых пиратов стало проплывать все больше высокортных ганзейских коггов², нагруженных дорогими товарами. И начались нападения на ганзейские корабли, становившиеся все более частыми и дерзкими.

Самой дурной славой среди морских разбойников Северного и Балтийского морей пользовались так называемые «братья-вительеры», или «вителийские братья». Своей базой пираты избрали остров Готланд, где было много удобных для стоянок мест. Из-за морских разбойников ганзейцам пришлось держать на каждом торговом корабле вооруженную охрану, состоявшую из вооруженных арбалетами наемных солдат, услуги которых стоили немалых денег.

Но весьма поднаторевших в деле морского разбоя вительеров ничто не останавливало. Их корабли превосходили по скорости и маневренности неуклюжие ганзейские когги. Тех, кто отказывался сдаться и не погибал при abordage, пираты безжалостно выбрасывали за борт. Но и купцы не церемонились с морскими разбойниками, попавшими к ним в плен. Пленных вительеров заковывали в цепи или заталкивали в сельдяные бочки, чтобы привезти на берег, судить и казнить.

Эскадра Ханса Стурре (так звали предводителя морских разбойников) была одной из самых многочисленных. И удачливых. Когда появлялся его флагманский корабль с ужасными украшениями в виде голов вепря, которые были видны издали, капитаны ганзейских судов предпочитали не вступать в бой с вительерами, а прятались в ближайшую гавань, под защиту воинского гарнизона. Поэтому Ханс Стурре старался нападать на купеческие караваны в открытом море, где невозможно спастись бегством.

Сегодня капитан ждал удачу. Ему донесли, что десять ганзейских судов идут по любимому маршруту вительеров. А в их трюмах находятся ценные атласные и парчовые ткани, серебряная посуда и – самое главное! – дорогие фряжские вина³. Ханс Стурре не привык отказывать себе ни в чем, и хорошее вино было его простительной слабостью.

То, что по численности ганзейцы превосходили его эскадру, предводителя разбойников не смущало. У пиратов была своя тактика. Они всегда нападали внезапно и молниеносно брали ганзейские корабли на abordage. Исход боя решался в рукопашной схватке на борту судна. Захватив когг, пираты перегружали добычу на свои быстрые, маневренные посудины с неглубокой осадкой и преспокойно уходили от преследования на прибрежное мелководье и в устья рек.

– Капитан! Слева по курсу «гусыни»! – закричал впередсмотрящий матрос.

«Гусынями» пираты называли когги – тяжелые и неповоротливые купеческие корабли.

– Сколько их?! – крикнул в ответ предводитель морских разбойников.

Матрос, сидевший в «вороньем гнезде», надолго умолк. Он был неграмотным и плохо знал счет, поэтому боялся ошибиться. Ведь за такую ошибку недолго и за бортом оказаться – капитан был крут и спуску своим сорвиголовам не давал.

– Три кулака и четвертый с рожками! – наконец ответил матрос, для большей убедительности продемонстрировав свои слова с помощью жестов.

власти феодалов и от пиратства. Членами Ганзы в разное время были более 200 больших и малых городов. В неганзейских городах были открыты представительства и филиалы Ганзы, крупнейшие из которых находились в Брюгге, Бергене, Новгороде и Лондоне.

² Когг – одномачтовое или двухмачтовое палубное судно с высокими бортами и мощным корпусом, оснащенное прямым парусом. Характерной особенностью когга является навесной руль. В носу и корме судна сооружали надстройки с зубчатым ограждением для защиты, в которых размещались воины и орудия. В XIII–XV вв. когг являлся основным торговым и боевым судном Ганзейского союза.

³ Фряжские вина – термин означает вина французские, итальянские и генуэзско-крымские (до 1476 г.). «Винным погребом» купцы Ганзы называли Кёльн. Другие города-порты тоже имели свои названия: Гданьск был «зерновым складом», Люнебург – «соляным», Росток – «солодовым», Щецин – «рыбным», Краков – «медным», Колывань (Ревель) – «восковым и льняным». Шифрованные наименования употреблялись в переписке, чтобы запутать тайных агентов морских разбойников. Но пираты знали про эти детские хитрости ганзейцев. Правда, у купцов Ганзы были и другие шифры, которые пираты и их пособники прочесть так и не смогли.

Три кулака – это пятнадцать пальцев, кулак с рожками – пять пальцев минус два, равняется трем... итого восемнадцать судов, быстро сосчитал Ханс Стурре. Не многовато ли для его эскадры? И почему количество купцов не совпадает со сведениями, которые добыли его шпионы в «винном погребе»?

– Капитан, нам с таким количеством судов не совладать, – с тревогой сказал Большой Олаф, штурман флагмана пиратской эскадры; он уже вооружился моргенштерном – тяжелой дубиной с металлическими шипами и надел на свою круглую башку шлем, похожий на котел.

– Боишься?

– Не то, чтобы... но, может, оставим этот караван в покое? Он у нас не первый и не последний.

Капитан немного подумал, а затем обратился к матросу в «вороньем гнезде»:

– Эй, Воючка Нильс! Присмотрись внимательней, нет ли среди купцов кораблей охраны?

– Капитан, в караване почти все «гусыни»! – ответил впередсмотрящий. – Жирные! Еле ползут.

– И ты хочешь, чтобы мы упустили удачу, которая сама плывет нам в руки? – насмешливо поинтересовался Ханс Стурре у своего помощника.

Тот покаянно опустил голову и развел руками: мол, ты капитан, тебе и решать.

– Если мы возьмем их на меч, – а возьмем точно! – то надолго обеспечим свое благополучие, – продолжил предводитель морских разбойников. – Что касается количества... так ведь и мы чего-то стоим. И потом, я не думаю, что на этих купцах слишком много воинов, способных хорошо владеть оружием. (Матросы не в счет; среди них есть лишь мастера ножевого боя, не более того.) Ганзейцы чересчур прижимисты, они не очень охотно тратятся на охрану. Нас будет гораздо больше.

– Ну, если так...

Недовольно бормоча что-то себе под нос, Большой Олаф отошел в сторону, а капитан решительно дал сигнальному матросу отмашку, чтобы тот передал на остальные корабли приказ готовиться к абордажному бою. Спустя считанные мгновения на палубах началось столпотворение: витальеры облачались в панцири и вооружались, абордажные команды готовили веревки с крючьями, чтобы зацепиться за суда ганзейцев, а лучники, которые должны были прикрывать атакующих товарищей, натягивали тетивы на свои дальнобойные английские луки и придирчиво отбирали стрелы. Ведь от точности стрельбы нередко зависел успех разбойного предприятия.

Купеческий караван (скорее эскадра, так как купцы всегда были вооружены) состоял из судов разных размеров и назначений. Кроме посудин большой вместимости – восьми одно- и двухмачтовых коггов, конструктивные особенности которых были хорошо известны витальерам, и двух средиземноморских нефов⁴, Ханс Стурре разглядел, что остальные суда представляют собой палубные парусники разных размеров с диковинными для северных широт косыми латинскими парусами. Они тоже были быстрыми в ходу, как и корабли пиратов, но вряд ли могли представлять для морских разбойников какую-либо опасность.

Две эскадры сближались на встречных курсах. Ханс Стурре начал тревожиться – по какой причине ганзейцы не предприняли даже попытки отвернуть в сторону берега, чтобы оторваться от пиратов и уйти под прикрытие какой-нибудь прибрежной крепости? И почему на палубах судов не видно вооруженной охраны? У капитана было острое зрение, и он ясно

⁴ Неф – торговое и военно-транспортное судно X–XVI вв. Изначально имел две мачты и прямые паруса. Позднее парусное вооружение стало смешанным, позволявшим ходить круто к ветру. Неф имел округлую форму корпуса и высокие борта, обшитые внахлест. На сильно приподнятых носу и корме были расположены надстройки, имевшие несколько ярусов. Неф широко использовался в торговле на Средиземном море, во время Крестовых походов, для перевозки пилигримов в Святую землю.

видел, что вдоль бортов купеческих посудин стоят люди, одетые в коричневые плащи. Однако ни один из них не был вооружен. Неужто это корабли паломников?!

Час от часу не легче... Ханс Стурре почесал в затылке. Если это паломники, то с них взятки гладки. И в трюмах разнокалиберных посудин, скорее всего, лежат не дорогие ткани и серебро, а стоят бочки с сельдью и кули с зерном – для пропитания богомольной братии. Конечно, продовольствие тоже имеет свою цену, но попробуй, всучи его перекупщикам за хорошие деньги. Неужели на этот раз он вытащил пустышку?

«Рыба-ерш агентам из Люнебурга в глотку и якорь под ребро! Бездельники, брехливые дармоеды! Ну, ничего, получают они у меня свои денежки, отсыплю им от своих щедрот...». Ханс Стурре замысловато выругался и снова почесал затылок – что делать, что делать?! Атаковать караван или благоразумно избежать стычки?

Большой Олаф тоже подметил некоторые странности в поведении купцов. Они и вовсе смутили штурмана, но он больше не осмелился приставать к Железному Хансу (так прозывали предводителя морских разбойников) со своими советами. На то и капитан на судне, чтобы самостоятельно принимать решения.

Две эскадры уже настолько сблизились, что можно было различить лица людей на коггах. Стало понятно, что это точно не ганзейские купцы, потому что на мачте флагманского судна развевался Даннеброг – флаг Дании: красное полотнище, перечеркнутое белым крестом. Видимо, это были датские переселенцы, отправившиеся на освоение новых земель. Король Эрик VI пытался возродить величие Дании путем завоевания южного побережья Балтийского моря, поэтому вслед за войсками шли разоренные бесконечными войнами крестьяне, которым терять уже было нечего. На новых землях им выделялись большие участки, и ко всему прочему королевская казна выделяла деньги на покупку хозяйственного инвентаря, посевного материала и животных.

«Что ж, – философски подумал Ханс Стурре, – пусть будут нищие датчане. В конце концов когги тоже стоят немалых денег. А судя по оснастке и внешнему виду, суда добротные, новой постройки».

– Идем на abordаж! – решительно рявкнул Железный Ханс, и узкие корабли витальеров, похожие на гончих псов, вмиг прибавили прыти, а на мачтах взвился флаг витальеров, наводивший ужас на мореплавателей Балтики, – алое полотнище, на котором была изображена черная рука с кривым ножом.

Вскоре борт корабля, которым командовал Ханс Стурре, ударился о борт самого большого флагманского когга, в воздухе зазмеились веревки с крючьями, и спустя короткое время два судна уже составляли единое целое. Рой стрел, выпущенных пиратами, не достиг цели, потому что датчане даже не пытались сопротивляться, а просто спрятались за фальшбортом.

Пираты во главе с капитаном мигом забрались на высокий борт когга и на какой-то миг оцепенели. Молчаливые пассажиры датского судна сбросили свои коричневые накидки, и перед опешившими витальерами встал строй закованных в броню... рыцарей-тамплиеров! Их белые плащи с красным крестом нельзя было спутать ни с какой другой одеждой.

Ханс Стурре невольно поднял глаза и увидел, что на месте Даннеброга теперь полощется на ветру черно-белый флаг рыцарей храма с алым крестом по центру. И это было последнее, что врезалось в память предводителя морских разбойников. Дальше началась дикая рубка – сплошное мельтешение лиц и оружия, которая могла показаться человеку неискушенному страшным ночным кошмаром.

– Боссеан! Боссеан! – Гигант, облаченный в черные доспехи, проревел боевой клич храмовников, и его длинный меч, описав кривую дугу, опустил на голову одного из витальеров.

Голова пирата, защищенная неглубоким стальным шлемом, раскололась, как орех, и первая кровь окропила тщательно выскобленную палубу когга. Вид поверженного товарища вмиг пробудил у витальеров дикую ярость, и они набросились на тамплиеров, как голодные волки

на добычу. Никто из них даже не помышлял о том, чтобы покинуть палубу вражеского судна, хотя все знали, какими искусными и опасными бойцами являются храмовники.

Трудно передать словами упоение смертельной схваткой, которое овладевает мужественными людьми в такой момент! На какое-то время и Ханс Стурре поддался эйфории боя – рубил мечом налево и направо, совсем позабыв о своих обязанностях предводителя пиратов. Но когда он схватился с Черным рыцарем, то вдруг понял, что, похоже, на этот раз витальерам победы не видать.

Бойцы оказались под стать друг другу. И тамплиер, и датчанин участвовали в больших сражениях, оба прошли хорошую воинскую выучку. Поэтому дрались они на равных, хотя у Черного рыцаря силенок было побольше. Но Железный Ханс был привычен драться на палубе корабля, которая постоянно убегала из-под ног по причине качки, поэтому шансы рыцаря и витальера на победу уравнились.

Однако проказнице Фортуне захотелось добавить перцу в финальную часть сражения, и она попросила Эола развязать свой мех, откуда вырвался коварный северный ветер. Он мигом посеял на спокойные волны густую рябь и с силой ударил в борт когга, на котором дрался предводитель витальеров. Палуба наклонилась, и сражающиеся тут же перемешались словно кубики при игре в кости. Ханс Стурре оказался прижатым к борту и, пока бойцы искали противников, чтобы продолжить сражение, вспомнил о своих обязанностях и могучим прыжком перескочил на свой корабль.

– Свистни «отбой»! – крикнул он коренастому боцману в годах, который командовал стрелками.

К сожалению, они оказались бесполезными, так как в мешанине на палубе когга нельзя было определить, где свой, а где чужой.

– Все назад! Уходим! Доставай свою дудку, якорь тебе в печень! – рявкнул Ханс Стурре, потому что боцман был туговат на ухо.

Но свистел он знатно. Набрав побольше воздуха в свою бочкообразную грудь, боцман выдал такую руладу, что ее слышали, наверное, и небеса. Свисток у него был особый, заговоренный. Боцман пользовался им только в двух случаях – во время abordage и когда при полном штиле нужно было вызвать попутный ветер. Он «высвистывал» ветер мелодичными трелями, повернувшись в ту сторону, откуда ожидалось его появление. Посвистов было строго определенное количество; ими определялась сила ветра и его продолжительность. Но бездумный свист на судне строго карался – по мнению пиратов, это могло привести к непредсказуемым бедам.

Услышав сигнал к отступлению, витальеры посыпались на палубы своих суден, как горох. Они уже были не рады, что ввязались в драку с таким сильным противником, и только гордость заставляла их сражаться до последнего. Поэтому свист боцманской дудки стал для них чем-то вроде звука ангельской трубы, открывающей дорогу в рай.

Однако храмовники не считали, что сражение закончилось, хотя пираты и отступили. Последовала команда Черного рыцаря, и вперед выступили арбалетчики. С отменной слаженностью они начали обстреливать пиратов, да так метко, что привели Ханса Стурре в отчаяние. Но тут вступили в дело стрелки пиратов, и стрелы из мощных английских луков, пробивающих любой панцирь, посеяли среди тамплиеров легкую панику, которая длилась недолго, – прозвучал еще один приказ Черного рыцаря, и над бортами коггов вырос забор из больших щитов-павез.

Теперь лучники пиратов оказались не у дел, но это обстоятельство не очень огорчило Ханса Стурре. Абордажные команды уже рубили канаты, которыми были связаны корабли противников, и предводитель морских разбойников не без оснований надеялся, что свежий северный ветер поможет им оторваться от тихоходной эскадры тамплиеров и спрятаться среди островков, которыми изобиловало Балтийское море.

Но он забыл про остальные суда храмовников. Пока шло абордажное сражение, они потихоньку подтянулись и перекрыли эскадре витальеров путь к отступлению. Однако и это еще была не беда: Ханс Стурре, опытный морской волк, быстро нашел брешь в боевых порядках тамплиеров и направил туда свои корабли.

То, что случилось потом, показалось витальерам адом. Собственно говоря, так оно и было: когги тамплиеров неожиданно начали извергать огненные шары, которые падали на палубы пиратских кораблей и разбивались (потому что оболочка их была глиняной). Из них вытекала вязкая горячая жидкость, которую нельзя было погасить водой, и вскоре все суда витальеров запылали. Присмотревшись, Ханс Стурре понял, что огненные шары метают корабельные баллисты. Однако от этого знания ему легче не стало.

Пираты начали прыгать в воду, пытаясь спастись от огня, хотя знали, что в холодной воде Балтийского моря им долго не продержаться. Но у них теплилась надежда, что рыцари-монахи Ордена Храма проявят к ним милосердие и поднимут на свои корабли.

Увы, надежды пиратов оказались тщетными. Многие из них были ранены и сразу ушли на дно, а тех, кто держался на воде и умолял о помощи, хладнокровно расстреливали из арбалетов стрелки храмовников. Вскоре среди восьми огромных костров, в которых угадывались очертания кораблей, осталась лишь одинокая шлюпка, в которой сидели четверо – Ханс Стурре, боцман, Большой Олаф и Вонючка Нильс.

Востроглазый матрос был еще и большим хитрецом. Он первым сообразил спустить шлюпку на воду и даже набрал достаточное количество матросов для этой затеи, которую они и исполнили, но всех их забрал огненный вихрь, вырвавшийся из-под палубы; вовремя прыгнуть за борт успел только Вонючка Нильс. Вскоре к нему присоединились и остальные трое – матрос понимал, что ему одному со шлюпкой не управиться. А такие здоровяки, как штурман и капитан, могут идти на веслах хоть до самого Реваля.

Но капитан и остатки его команды не спешили браться за весла. Ханс Стурре понуро сидел на банке и с удивлением (как показалось Вонючке Нильсу) рассматривал свои крепкие сухие руки с длинными узловатыми пальцами. Боцман что-то тихо бубнил себе под нос, похоже, молился, а Большой Олаф пытался вылить воду, набравшуюся в компас. Он представлял собой небольшую круглую шкатулку со стеклом, в которой на вертикальной шпильке вращалась магнитная стрелка со шкалой, поделенной на шестнадцать румбов.

Компас был итальянской новинкой. Он достался Большому Олафу два года назад, когда пираты захватили судно купца, торговавшего фряжскими винами. До этого штурман пользовался примитивным устройством, представлявшим собой магнитную стрелку, укрепленную на пробке и опущенную в сосуд с водой. Большой Олаф очень берег свой новый компас, держал его всегда при себе и гордился им, потому что шкатулка было украшена мелкими драгоценными камнями и золотым вензелем.

Вонючка Нильс хотел было спросить, почему никто не садится на весла, но, осмотревшись по сторонам, понуро опустил голову, – бежать было некуда; куда ни глянь, везде высились темные махины коггов, окруживших место гибели пиратской эскадры, и арбалетчики тамплиеров держали их на прицеле. Но не стреляли. Почему?

Этот вопрос задавал себе и Железный Ханс. Он, как и два его главных помощника, уже приготовились умереть, но хотели принять свою участь достойно, как подобает потомкам викингов. Даже Вонючка Нильс проникся их неустрашимостью и сумел подавить в себе животный страх. Стиснув зубы и опустив голову, он ждал последней боли в этой жизни и мысленно просил Одина, чтобы он забрал его в Вальхаллу или хотя бы в Фолькванг – чертог богини Фрейи в Асгарде, пусть даже прислужником.

Высокий борт флагманского когга возник так внезапно, что Вонючка Нильс охнул от неожиданности. Вслед за этим в лодку упала веревочная лестница с деревянными ступенями.

– Поднимайтесь! – послышалась громкая команда, и Вонючка Нильс покорно начал карабкаться по лестнице вверх.

Вслед за ним поднялся и боцман. Но Большой Олаф и капитан словно ничего не слышали и не видели. Они будто закаменели. Тогда вниз полетели арканы, и остальных витальеров подняли на борт когга, как животных, – бесцеремонно и грубо. Искусству владеть веревкой с петлей на конце храмовники научились у сарацин и пользовались арканами не менее ловко, чем их недавние противники в Святой земле.

– Ты капитан, – скорее утвердился в своем мнении, нежели спросил Черный рыцарь, подойдя к Хансу Стурре.

Витальер сумрачно глянул на него и молча кивнул. Он не строил иллюзий насчет своего будущего. Тамплиеры хорошо рассмотрели знамя пиратов на мачтах кораблей его эскадры, поэтому Ханс Стурре знал, что пощады им не будет. Морских разбойников особо не жаловали все народы и во все времена.

Но он ошибался. Следующие слова предводителя рыцарей Тампля вселили в его душу робкую надежду.

– Ты хороший боец, – благожелательно сказал рыцарь. – Грех такого храбреца отправлять на дно, как бессловесную скотину. Я подарю жизнь тебе и твоим товарищам... но при одном условии.

– Если это условие не будет противно нашей части, – дерзко ответил Железный Ханс.

Черный рыцарь одобрительно улыбнулся и ответил:

– Ни в коей мере. Устав рыцарей Храма не одобряет бесчестные поступки...

Фраза прозвучала несколько двусмысленно, но утопающий, как известно, хватается и за соломинку, поэтому предводитель морских разбойников, колебавшись самую малость, ответил:

– Что ж, если так...

– Значит, мы договорились. Нам нужно, чтобы вы провели нас в озеро Нево⁵.

«Неужто они решили воевать с Хольмгардом?!⁶ – удивленно подумал капитан пиратов и мысленно расхохотался. – Тогда вам, господа рыцари, я не позавидую...».

Витальерам уже приходилось сталкиваться с новгородскими ушкуйниками. На своих небольших, но прочных челнах они время от времени – не очень часто – совершали набеги на свеев и сумь⁷. При попытке отобрать у них добычу ушкуйники бросались на пиратов, как бешеные псы, и редко какой капитан витальеров мог похвастаться победой над новгородцами. Поэтому пираты и ушкуйники старались держать нейтралитет и при встрече меняли курс своих судов во избежание нечаянной стычки.

– Мы согласны, – ответил Ханс Стурре, переглянувшись с другими пленниками. – Но только в том случае, если вы даруете нам свободу.

– Иное и не мыслится, – сказал Черный рыцарь, снимая шлем; он был голубоглаз, русоволос, но лицо его было смуглым. – Свободу вы получите. Полную свободу, – подчеркнул он, холодно блеснув глазами. – Но до этого я потребую от вас беспрекословного подчинения. Такой уговор вас устраивает?

– Да, – нехотя ответил предводитель пиратов.

Он был отнюдь не глупым человеком и понимал, что храмовник может потребовать от них слишком многого. Но это будет потом. А пока они живы, и у них появилась возможность избежать участи пиратов, попавших в плен.

⁵ Озеро Нево – Ладожское озеро.

⁶ Хольмгард – варяжское название Великого Новгорода; у византийцев – Немогард, у германцев – Острогард, в эпосе славян – Словенск Великий.

⁷ Свеи – шведы. Сумь – суоми; древнее прибалтийско-финское племя; впоследствии совместно с другими племенами образовали финскую народность.

– Когда вы нас отпустите? – спросил Ханс Стурре.

– Мы дадим вам свободу, – с нажимом на слове «свобода» ответил Черный рыцарь, – как только войдем в Нево.

На этом переговоры закончились, и на судах тамплиеров началась уборка, а раненым и увечным стали оказывать медицинскую помощь. Спустя какое-то время, когда место сражения осталось далеко позади, пленникам тоже смазали царапины целительным бальзамом, отчего витальеры приободрились и повеселели, – значит, Черный рыцарь не соврал, они и впрямь получают свободу. А иначе зачем возиться с будущими покойниками?

Варяжское море⁸ прошли ночью. Ранним утром на горизонте показался небольшой зеленый остров, издали казавшийся совершенно безлюдным.

– Что это? – спросил Черный рыцарь, прикладывая к глазу длинную латунную трубу.

– Ореховый остров, – ответил Ханс Стурре.

– Он обитаем?

– Нет. Правда, там иногда устраивают временные стоянки рыбацкие артели. Особенно в зимнее время. Остров находится у истока реки, которая впадает в озеро Нево, и разделяет ее на два широких рукава, не замерзающие из-за быстрого течения даже в самые лютые морозы.

– Я вижу на острове людей. Посмотри сам... – Рыцарь передал трубу капитану пиратов. – Осторожно! Не урони!

Ханс Стурре посмотрел в трубу – и едва не вскрикнул от удивления: остров вдруг настолько приблизился, что, казалось, до него можно было дотянуться рукой! Витальер опустил трубу – и остров опять удалился почти к самому горизонту. Чудеса!

– Никаких чудес... – Черный рыцарь словно подслушал мысли пленника. – Всего лишь изобретение одного из братьев Ордена. Внутри трубы находятся увеличительные стекла, которые приближают рассматриваемый объект. Впрочем, непосвященные называют ее «волшебной трубой».

Немного успокоенный объяснением тамплиера, Ханс Стурре снова приставил к правому глазу «волшебную трубу» и увидел, что возле Орехового острова стоят ушкуи новгородцев, а на берегу дымится костер, возле которого хлопочет кашевар. Остальные ушкунники отдыхали: кто еще спал, досматривая утренние сны, кто чистил оружие, а кто прогуливался по берегу.

– На острове ушкунники! – сказал Ханс Стурре, возвращая трубу Черному рыцарю.

– Кто такие?

– Новгородские воины, – ответил витальер и добавил: – Речные разбойники, которые иногда выходят и в море. В бою они очень опасны.

Рыцарь пренебрежительно хмыкнул и ответил:

– Посмотрим...

Он спустился по лесенке с надстройки для стрелков на палубу и присоединился к группе рыцарей, которые что-то оживленно обсуждали возле мачты когга. С его появлением беседа еще больше оживилась, пока не переросла в яростный спор. Но он длился недолго. Видимо, Черный рыцарь принял какое-то решение и властно поднял руку. В тот же момент храмовники умолкли и с почтением склонили головы. Передав по кораблям необходимые распоряжения, Черный рыцарь присоединился к Хансу Стурре, который уже хотел вернуться к своим товарищам. Плененным пиратам не разрешалось прогуливаться по палубе, и они изнывали от неопределенности в тесной камере под кормовой площадкой.

Суда тамплиеров, нарушив кильватерный строй, начали охватывать остров по большой дуге. И когда они сблизилась, привал ушкунников оказался словно в удавке. Новгородцы заметили чужие корабли слишком поздно; видимо, ушкунникам сослужил плохую службу вечер-

⁸ Варяжское море – в старину так назывался Финский залив; что касается собственно Балтийского моря, то арабские источники называли его Славянским, или Русским морем, а Русь именовала его Алаторским морем.

ний пир, который они устроили по случаю удачного набега на сумь. И впрямь, чего им было опасаться на необитаемом острове, с которого Варяжское море хорошо просматривалось до самого горизонта? Ведь при появлении погони (что вообще маловероятно) они могли за короткое время сняться с места и уйти в Нево, откуда никто бы не смог их достать.

Бежать ушкуйникам было некуда. Однако новгородцы не стали ни метаться в страхе по острову, ни молить о пощаде. Быстро облачившись в воинское снаряжение, они образовали железный кулак, ошетилившийся копьями.

«Похоже, разбойники русов даже не думают о сдаче в плен», – растерянно подумал Черный рыцарь. Предводитель рыцарей Храма с удивлением отметил слаженность в действиях ушкуйников, указывавшую на недюжинный военный опыт, и их превосходное вооружение. Все новгородцы были в надежной броне, многие имели арбалеты, а на двух ушкуйниках, занявших места в первой шеренге, блистали очень дорогие панцири с золотой насечкой, явно работы восточных мастеров, о которые мечтают самые известные рыцари Запада.

– Спустить шлюпку! – приказал Черный рыцарь. – Я еду один и без оружия.

Его приказание было исполнено быстро и сноровисто. Однако кто-то из рыцарей все же украдкой положил в лодку меч предводителя тамплиеров. Черный рыцарь сделал вид, что не заметил этого, скомандовал опустить весла на воду, и четверо гребцов взялись за дело со сноровкой, указывающей на недюжинный морской опыт.

– Мы пришли с миром! – зычно прокричал Черный рыцарь, когда до берега оставалось всего ничего, и показал пустые ладони.

Несмотря на всю свою храбрость, ему стало немного не по себе. Рыцарю казалось, что арбалеты ушкуйников нацелены прямо ему в грудь. Стоило кому-нибудь из стрелков нечаянно задеть спуск, и арбалетный болт прошьет его насквозь, как иголка, воткнутая в головку сыра.

– Кто вы? – грубо спросил один из ушкуйников, облаченный в дорогой панцирь, когда Черный рыцарь ступил на берег. – И что вам нужно?

Видимо, он был предводителем разбойничьей ватаги.

– Мы – посольство Ордена рыцарей Иерусалимского Храма к князю Хольмгарда! – торжественно заявил Черный рыцарь. – Я магистр Ордена, прецептор⁹ в земле галлов, Жерар де Вийе.

По недоверчивому взгляду предводителя ушкуйников Жерар де Вийе понял, что тот не поверил его словам. Рыцарь сразу сообразил, почему – на нем была длинная власяница из овечьей шерсти, скрывающая и доспехи, и белый плащ с красным крестом Ордена. Обычно власяницы носили аскеты на голом теле для умерщвления плоти, так как жесткая шерсть постоянно кололась, но рыцари-монахи приспособили это одеяние в качестве верхней одежды – накидки, которая согревала их холодными ночами.

Жерар де Вийе снял власяницу и предстал перед ушкуйниками в своем черном панцире, инкрустированном золотом, и орденом плаще. Нужно отметить, что превращение паломника-калики в статного рыцаря произвело на новгородцев сильное впечатление. Они опустили оружие, а их предводитель сказал с почтением:

– Милости просим к нашему костру, господин рыцарь. А мы уже думали, что к нам пожаловали тевтонцы. Я боярин новгородский, зовут меня Лука Варфоломеевич. А это мой сын, Онцифор Лукинич, – указал он на юного ушкуйника в сарацинском панцире.

Рыцарь и несколько ушкуйников – те, кто постарше – уселись вокруг костра, над которым висел казан с кашей. Она как раз подоспела, и кашевар сноровисто распределял ее по мискам и плошкам.

– Не побрезгуйте, господин рыцарь, нашим угощением, – сказал Лука Варфоломеевич, подав тамплиеру серебряную миску (видимо, добытую в набеge) и большую деревянную ложку.

⁹ Прецептор (командор-настоятель, приор) – начальник провинции, местного подразделения Ордена Храма.

Рассыпчатая пшенная каша с кусочками свиного сала выглядела весьма аппетитно и вкусно пахла, и Жерар де Вийе неожиданно почувствовал, что сильно проголодался. После боя с витальерами храмовникам было не до ужина – слишком многих тревожили раны; все довольствовались чашей вина и несколькими сухарями.

К угощению ушкуйников полагалось вино, и вместительный кубок поистине княжеской мальвазии привел храмовника в состояние полной умиротворенности. Он уже совершенно не сомневался, что планы тамплиеров, бежавших от инквизиции и коварного французского короля Филипп IV¹⁰, сбудутся, и они обретут в Хольмгарде безопасное убежище.

Жерар де Вийе хорошо знал язык русов. Среди участников Крестовых походов были рыцари из Хольмгарда и даже самой Московии¹¹, про которую на Западе шла нехорошая молва – будто там живут злобные варвары, едва не людоеды, которые ходят в звериных шкурах, живут в землянках и охотятся на медведей не светлым оружием¹², а дубинами. Но магистр Ордена только посмеивался над глупым вымыслом. Рыцари русов были куда как образованней многих храмовников – умели читать и писать, знали разные иноземные языки, а в бою им вообще было мало равных.

Вот только свою веру они не желали менять ни за какие земные и небесные блага. Существовал даже обряд посвящения в рыцари Тампля, который не затрагивал православного обряда. Но все равно в последние годы ни одного руса в Орден не было принято. Скорее всего, причиной тому послужили тевтонцы, которые захватили Прибалтику и много раз пытались завоевать Хольмгард и Псков.

– Спасибо за угощение, – церемонно поклонился тамплиер. – Очень надеюсь отблагодарить вас достойным образом.

– Вы уж извините, что стол наш скуден, – огладив бороду, важно отвечивал Лука Варфоломеевич. – В поход мы не берем разносолы и прочие вкусности. Будете в Новгороде, или Хольмгарде, как вы называете наш город, милости прошу ко мне в гости вас и ваших товарищей. Ужо там вы попробуете всех наших напитков и наёдков. Думаю, останетесь довольны.

– Кстати, касательно Хольмгарда... – Магистр Ордена впился острым взглядом в невозмутимое лицо боярина. – У меня есть к вам большая просьба...

– Это пожалуйста.

– Не могли бы вы, ваша милость, выступить в качестве герольда? Чтобы предупредить новгородские власти о прибытии нашего посольства.

Лука Варфоломеевич улыбнулся и ответил:

– А что, мудрое решение. Иначе вас могут принять за тевтонцев и пустить ваши лоды на дно. Я предупрежу сторожевые заставы и посадника Юрия Мишинича. А он доложит князю.

На том и сговорились. Ушкуи новгородцев поплыли по реке в сторону озера Нево, а тамплиеры вернулись к своим делам. Повара разожгли костры и начали готовить обед, матросы и серванты занялись починкой оснастки суден, а оруженосцы нашли небольшую удобную поляну подальше от рабочей суеты, застелили ее коврами, принесли несколько кувшинов вина и кубки, и рыцари уединились для серьезного разговора. Первым взял слово Жерар де Вийе.

¹⁰ Филипп IV Красивый (1268–1314) – французский король с 1285 года, из династии Капетингов. В 1306 году изгнал из королевства евреев, конфисковав их имущество. Обложение налогами духовенства вызвало острый конфликт (1296–1303) с папой Бонифацием VIII, из которого победителем вышел Филипп IV; следствием явилась многолетняя зависимость папства от французского престола. Он ликвидировал Орден тамплиеров, конфисковав его огромные богатства, и добился упразднения Ордена папой (1312).

¹¹ Московия (Московское государство) – название появилось в Западной Европе под воздействием политических интересов Польши, Великого княжества Литовского и папской курии. Царя Ивана III упорно именовали князем Московским, а страну – Московским государством. Долго общаясь с польско-литовскими послами, эту терминологию усвоил и Иван Грозный, хотя официальным названием страны после его венчания на царство в 1547 году стало Царство Русское. Но и во времена Петра I даже российские источники продолжали Российское государство иногда называть Московским.

¹² Т.е. боевым, изготовленным из стали.

– Братья! Горька наша участь. Нас оболгали и обокрали. И кто? Король Филипп, которому мы спасли жизнь, спрятав его в Тампле, когда восстала чернь Парижа. Мало того, сам папа отвернулся от нас, поверив гнусным клеветникам Жану де Фоллиако и прецептору из Немура Жану де Шалону... будь они трижды прокляты!.. Мы стали изгнанниками, отверженными, и нам остается теперь уповать лишь на милость Господа нашего. – Магистр обвел суровым взглядом собравшихся и продолжил: – Но он не оставил нас в своих милостях! Наши безвинные братья, захваченные врасплох, заживо гниют в подземных темницах, их пытаются каленым железом, ломают на дыбе, чтобы они признавались в разных мерзостях, которые никто из нас не совершал, а мы на свободе. Да, нас ждет жизнь на чужбине, но сюда не дотянется рука короля Филиппа, и папская булла в земле русов не имеет никакой силы. Хольмгард станет нам последним приютом.

Какое-то время царила тишина, прерываемая лишь чириканьем каких-то птичек в зарослях, – тамплиеры, склонив головы, в едином порыве мысленно возносили хвалу Всевышнему, затем место Жерара де Вийе занял прецептор командорства Вильмойсон, которого звали Гильерм де Лю.

– Мы везем с собой большие сокровища, – сказал он, понизив голос, будто его мог подслушать кто-нибудь посторонний. – Думаю, что нам не стоит класть яйца в одну корзину. Нужно часть золота и драгоценностей где-то спрятать.

– Верно говоришь, брат, – вступил в разговор и рыцарь из Бургундии по имени Жеро де Шатонефе. – Я предлагаю зарыть сокровища в землю на этом острове. Во-первых, он безлюден, а во-вторых, тем, кто будет знать место тайника, не придется долго его искать. И потом, дальше нам придется плыть по рекам, а значит, по мелководью, поэтому нужно наши суда немного разгрузить, чтобы они не сели на мель.

– Что ж, разумно, разумно... Все согласны? – Подождав, пока рыцари выразят свое мнение (уже не длинными речами, а коротким «да»), Жерар де Вийе осушил свой кубок и поднялся. – Предложение брата Гильермо принято единогласно. Тогда за дело. Время не терпит. Мы должны тщательно осмотреть остров, чтобы найти подходящий участок для подземного хранилища.

Небольшую пещерку – фактически дыру, провал в пласте песчаника, – первым заметил везунчик Хью Даре. Он руководил приемом неофитов в Орден в командорстве Ля-Фелюза, что в Оверни. Когда его пришли арестовывать, он в этот момент был в другом доме, через улицу, и окормлял заблудшую женскую душу, наставляя ее на путь истинный (по крайней мере, Хью Даре так утверждал). Увидев в окно прево¹³ с солдатами, он сразу все понял и дал деру, выкрав лошадь из конюшни самого сенешаля¹⁴.

– Глубоко... – с удовлетворением констатировал Жеро де Шатонефе, измерив глубину провала длинной хворостиной.

– Нужно расширить вход, – молвил довольный находкой Жерар де Вийе; немного поразмыслив, он приказал: – Приведите плененных пиратов. И пусть им дадут кирки и лопаты.

Ханс Стурре был мрачен и молчалив. Дурные предчувствия не покидали его ни на миг. Что с ними будет? Его товарищи тоже пребывали не в лучшем расположении духа. Ни предводитель морских разбойников, ни остальные пираты не поверили Жерару де Вийе. Уж витальеры точно не отпустили бы пленников, которые слишком многое узнали.

– Копайте! – сказал Жерар де Вийе, указав на дыру. – Сделайте так, чтобы туда мог пролезть человек.

– Господин рыцарь, вы обещали нам свободу... – Ханс Стурре крепко сжал в руках кирку.

¹³ Прево – во Франции XI–XVIII вв. королевский чиновник или ставленник феодала, обладавший до XV века на вверенной ему территории судебной, фискальной и военной властью; с XV века выполнял лишь судебные функции.

¹⁴ Сенешаль – во Франции в XIII–XVIII вв. – должностное лицо, стоявшее во главе административно-судебного округа.

Он знал, что кирка может быть грозным оружием, и теперь думал, не пустить ли ее в ход, чтобы уйти в Вальхаллу с честью, как подобает воину.

– Мое слово твердо! – отчеканил магистр. – Свободу вы получите. Даже не в Нево, как было обещано, а здесь. После того, как сделаете работу.

Ханс Стурре немного поколебался, но затем угрюмо кивнул, поплевал на ладони и вогнал кирку в пласт песчаника. Его примеру последовали и остальные пираты.

Работа продвигалась быстро. Тому способствовал не только мягкий песчаник, но и богатырская мощь Большого Олафа. Под ударами его кирки рушились целые глыбы. Вскоре пещерка расширилась, и в провал спустили Вонючку Нильса, как самого шустрого, обвязав его веревкой. Когда его вытащили, он сказал:

– Там такая дырища! Ни конца, ни края не видно.

– Факелы! Давайте факелы! – с нетерпением приказал Жерар де Вийе.

Зажгли факелы, и на этот раз в провал спустился сам магистр, взяв в напарники Хью Даре. Обследовав подземную пещеру, размеры которой и впрямь впечатляли (она была не очень высокой, но достаточно широкой и длинной), Жерар де Вийе пришел к выводу, что давным-давно ее промыло море, когда его уровень был выше, – один конец пещеры заканчивался крутым спуском, а затем исчезал под водой.

– Это то, что нам нужно, – сказал магистр. – Поднимайте! – крикнул он в светлое отверстие на потолке пещеры.

Оказавшись наверху, Жерар де Вийе подошел к пленникам.

– Вы заработали свою свободу, – сказал магистр. – Полную свободу. Получите ее! – Он выхватил меч и неуловимо быстрым движением проткнул Ханса Стурре насквозь.

Его примеру последовали и остальные храмовники, и спустя считанные мгновения витальеры были повержены.

– Негодяй!.. – На губах Ханса Стурре пузырилась кровь, но он все равно пытался говорить. – Гореть тебе... в аду! Ты... нарушил слово!

– Ни в коем случае... – Жерар де Вийе улыбнулся. – Полную свободу, если ты этого не знаешь, дает только смерть. Твоя бессмертная душа покинет брренное тело, и ты воспарить к таким высотам, что у тебя дух захватит. Прощай, потомок викингов. Ты был храбрым воином. Только потому я не приказал повесить тебя на рее как простого вора и разбойника. *Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam*¹⁵... – С этими словами магистр точным движением вогнал клинок в сердце витальера, пригвоздив его к земле, и глаза Ханса Стурре закрылись навсегда.

Переноску сокровищ к пещере закончили только к вечеру. Сундуки размещали в нишах, которые вода вымыла в стенах. Поскольку дело это было тайным, в качестве носильщиков выступали только рыцари; а было их всего четырнадцать человек. Перед тем, как засыпать и замаскировать вход в пещеру (теперь уже сокровищницу), туда опустили тела витальеров и усадили возле стены.

– Они будут вечными стражами сокровищ Ордена, – сурово сказал Жерар де Вийе, когда все работы были сделаны.

Склонив головы, рыцари помолились и вернулись к судам, где уже готовились отойти ко сну. Войти в реку ночью кормчие тамплиеров не решились – они не знали фарватера. Поэтому отплытие перенесли на утро.

Ночью Жерар де Вийе почти не спал. Мысли поднимали его над островом и несли во Францию, в пыточные подвалы инквизиции, где томились Великий магистр Ордена Жак де Моле и генеральный досмотрщик Гуго де Пейро. А в те короткие мгновения, когда сон все-таки одолевал магистра, ему виделись кошмары...

¹⁵ «Не нам, Господи, не нам, но все во славу имени Твоего» (девиз тамплиеров).

* * *

На новгородском мосту через Волхов, именовавшемся Великим, схлестнулись в кулачной драке до сотни горожан. Яростный спор, который шел до этого, был забыт, и теперь народ отводил душу и спускал пар привычным для Новгорода и вполне демократичным мордобитием.

Великий мост соединил берег, где высился Детинец – городской Кремль – и Вечевую площадь уже при князе Ярославе Мудром. Согласно «Уставу Ярослава о мостах» горожане обязаны были нести повинности по ремонту волховского моста. Но этот момент как-то упускался из виду народным собранием, большей частью занятым распрями между правившей Новгородом боярской «золотой сотней» и «черными людьми», а также частой сменой князей, которые призывались новгородским вече для защиты города от внешних врагов. Поэтому Великий мост хоть и был крепок, но выглядел неряшливо – словно изрядно подгулявший ярыжка, пропивший всю верхнюю одежду.

Обычно с моста сбрасывали в реку осужденных на смерть и закоренелых еретиков, на нем же часто встречались враждебные партии, образовавшиеся на вечевом собрании. Существовала легенда, объясняющая эту страсть новгородцев к кулачным побоищам на Великом мосту. Будто бы новгородцы сильно обидели Перуна, которому до введения христианства приносили жертвы в Перынской роще, у истока Волхова. В 989 году они срубили идола Перуна и сбросили его в реку. Проплывая под мостом, идол забросил на него свои палицы и завещал: «Сим потешайтесь, дети новгородские». С тех пор Великий мост стал местом, где новгородцы разрешали все свои споры и тяжбы, нередко с помощью кулаков, а то и оружия.

– Глянь-ко, Даныша, – князь едет! – вскричал один из драчунов, косая сажень в плечах, придерживая руку на замахе.

– Ты, это, Ремша, зубы мне не заговаривай! – отвечал ему низкорослый невзрачный мужичишко, вытирая ладонью сукровицу с разбитых губ. – Вишь-ко, што выдумал. Дерись, волчья сыть!

– Да глаза-то раскрой! Вона, смотри. На мост въезжает.

Даныша отступил на шаг и обернулся.

– Ух ты! – воскликнул он. – А ить правда!

Князь с немногочисленной дружиной, закованной в ясную броню¹⁶, судя по всему, направлялся в Детинец, где размещался новгородский посадник Юрий Мишинич. Алое корзно¹⁷ на плечах князя подсказало драчунам на мосту, которые прекратили выяснять отношения, кто из князей пожаловал в Новгород.

– Юрий Даниилович, князь Московский! – раздался общий глас, и над рекой понеслись приветственные крики.

Спустя малое время мост опустел, и князь с дружиной беспрепятственно переправился на другой берег.

Князя Юрия Данииловича в Новгороде уважали. И не раз просили на княжение, но на его пути всегда вставал князь Михаил Ярославич. Когда в 1304 году умер владимирский князь Андрей Александрович, то его великое княжение должно было принадлежать по старшинству тверскому князю Михаилу Ярославичу. Но к тому времени родовые споры между князьями уступили место соперничеству по праву силы. А Юрий Даниилович Московский был сильнее Михаила Ярославича; он сам хотел стать великим князем владимирским.

¹⁶ То есть стальные доспехи.

¹⁷ Корзно – княжеская мантия или плащ, который накидывался сверху и застегивался большей частью на правом плече запонкой с петлицами.

Соперники отправились в Орду покупать ярлык на великое княжение, но Михаил Ярославич и прибыл туда раньше, и денег хану Тохте отсыпал больше, поэтому возвратился из Орды великим князем. К тому же Михаил Ярославич был по своему складу похож на былинного богатыря: храбр, силен физически, верен слову, благороден. Такие качества импонировали хану, и князь тверской пользовался его полным доверием.

Сердясь на Юрия Даниловича за соперничество и за то, что князь Московский не отдавал ему Переяславль, Михаил Ярославич нападал на него два раза, подступая к самой Москве, но без успеха. Подобно своим предшественникам, Михаил Ярославич старался усилиться на счет Новгорода, обложив город данью. Его наместники сильно осложняли жизнь новгородцам, а когда те не захотели сносить обид, князь перекрыл пути подвоза в Новгород съестных припасов, тем самым принудив его жителей выплатить ему полторы тысячи гривен¹⁸. Понятно, что после такой обиды торговый и работный новгородский люд особой любви к князю Михаилу Ярославичу не питал.

Мало того, в начале года новгородское вече в очередной раз убрало из города наместника тверского князя за его лихоимство, и теперь деятельностью всех должностных лиц руководил посадник, которые ведал вопросами управления и суда, командовал войском, руководил вечевым собранием и боярским советом, представлял во внешних сношениях.

Новгородский посадник Юрий Мишинич, дородный мужчина с толстой золотой цепью на шее, к которой были подвешены пять флоринов¹⁹ (по количеству «концов» города, которые назывались Плотницким, Славенским, Гончарским, Загородным и Неревским), встретил Юрия Даниловича весьма радушно. Поприветствовав его должным образом, посадник распорядился, чтобы разместили и накормили дружинников князя и пригласил его за стол.

– Уж не обессудь, князь, за скудное угощение, – сказал посадник. – Не ждали мы таких высоких гостей. Надо было прислать гонца, мы устроили бы знатный пир.

– Оставим пышные пиры до лучших времен, – немного сухо ответил Юрий Данилович.

Он как раз разоблачался – оруженосец князя снимал доспехи. Юрий Данилович был невысок, сух фигурой, но имел широкие плечи и руки в мозолях от оружия. Князь сам водил в бой свою дружину, не пас задних, хотя особо и не высывался. Он не обладал большим умом, но был хитер и предприимчив.

Посадник приbedнялся. Он и впрямь не знал о прибытии претендента на новгородское княжение, но его кухня всегда была готова к приему гостей, даже самого высокого звания и ранга. Великий Новгород часто посещали иноземные делегации, а уж перед ними никак нельзя было ударить в грязь лицом. Поэтому стол, накрытый в пиршественной зале для князя Московского и трех бояр из его свиты, поражал приятным глазу изобилием яств и всевозможных напитков.

Особенно много было разных видов рыбы, грибов и изделий из теста: олады, шаньги, пышки, жаренные на масле, баранки, а также калачи, пряники медовые и левишники, приготовленные из тщательно протертых ягод брусники, черники и земляники и высушенные тонким слоем на солнце. Кроме того, на столе присутствовали и пироги с самой разнообразной начинкой – из рыбы, мяса, домашней птицы и дичи, грибов, творога, ягод и фруктов. В глубоких плошках чистым золотом светился свежий мед, в серебряной посуде отсвечивали янтарем

¹⁸ Гривна – старинная русская весовая (гривна серебряная) и счетно-денежная (гривна кун) единица, размеры которой менялись в зависимости от места и времени чеканки. Гривна новгородская – длинная серебряная палочка весом около 204 г.; сохраняла свое значение денежной единицы даже тогда, когда в Новгороде чеканились монеты. Гривны начали лить в XI веке; рубль появился в конце XIII века.

¹⁹ Флорин – название золотых монет, которые впервые начали чеканить во Флоренции в 1252 году и позже стали выпускать в других странах. Флорин чеканился почти из чистого золота, весом 3,53 г. На аверсе флорентийского флорина был изображен цветок лилии (герб города), на реверсе – Иоанн Креститель.

рыбьи яйца – икра, а горячее хлебово – стерляжья ушица – была так аппетитна на запах, что у гостей слюнки побежали.

Первый кубок подняли во здравие и процветание Новгорода – по древнему обычаю. Винный погреб новгородского посадника был куда как изобильней и разнообразней по части заморских вин, нежели у князя Московского. Юрий Даниилович даже завистливо покривился, хотя мальвазия²⁰ в его кубке была сладкой и ароматной. Конечно, мёдом ставленным, хмельным и вареным, березовицей пьяной, пивом и квасом князя нельзя было удивить; этого добра и в его подвалах хватало. Но отменную романею – бургонское вино, которой посадник потчевал своих гостей, Юрий Даниилович пробовал впервые. А еще были вина фряжские, греческие, токайское из Венгрии и даже крепкое ароматное вино из далекой Португалии, которое было на Руси совершеннейшей диковинкой.

После сытного обеда разомлевшие бояре московского князя отправились отдыхать, а сам Юрий Даниилович уединился с посадником в небольшой комнатухе, по размерам больше похожей на монашескую келью, нежели на присутственное место. Только обставлена она была гораздо богаче – обитые дорогой парчой мягкие табуреты, ковры на полу, оконце из разноцветного стекла, резной поставец для дорогой посуды, а в углу, перед иконой святителя Николая Мирликийского Чудотворца, в богатом окладе с драгоценными камнями, горела золоченая лампадка.

Князь догадался, что эта «келья» была выбрана посадником для переговоров не случайно. Две дубовые двери с небольшими сенцами между ними исключали возможность подслушать разговор.

– Совсем стало худо нам под князем Тверским, – жаловался посадник Юрию Данииловичу. – Зело прожорлив, ненасытен и злобен – аки лев рыкающий. И некому заступиться за нас. Хотим пойти под твою руку, задружить с Москвой.

– А все ли в этом единодушны? – вопрошал князь, внимательно наблюдая за посадником. Юрий Мишинич поскутнел.

– Увы, люд наш (в том числе и некоторые бояре) своенравен, недалновиден, а то и глуп, – с досадой ответил посадник, но тут же поторопился добавить: – Но ежели пришьешь к нам своего наместника с большой дружиной, то вече даст свое согласие, чтобы ты стал нашим правителем и защитником.

«Где же мне взять дружинников еще и для защиты Новгорода от происков князя Тверского? – с тоской подумал Юрий Даниилович. – Тут хотя бы Переяславль не потерять. Хорошо, хана Тохту удалось задобрить, а то не сносить бы мне головы за самоуправство. Михаил уже жаловался в Орду...»

– Мы и договор составили, – по-своему истолковал посадник молчание князя. – Вот, гляди, читай. Ежели с чем-то не согласен, скажи, подправим...

А мысленно добавил: «Если только эти правки не будут касаться наших вольностей...»

Юрий Даниилович взял в руки пергаментный свиток и начал читать:

«Благословение от владыки, поклон от посадника и от тысяцкого, и от всех старших, и от всех меньших, и от всего Новгорода господину князю великому Юрию. На сем, господин, Новгород крест целует. Княжение твоё честно держать по пошлине, без обид...»

Князь не был большим грамотеем, поэтому читал медленно, и посадник весь извелся в ожидании:

²⁰ Мальвазия – греческое вино с островов Эгейского моря; русские летописи отмечают ее как первое заморское вино. Мальвазия привезена в XI веке и до XIII века оставалась на Руси единственным виноградным вином. Лучшую мальвазию изготавливали на острове Крит, и она была, по-видимому, одним из самых древних вин в мире.

«...Ни с Бежицы, княже, людей не выводить в свою волость, ни из иных волостей новгородских, ни грамот им давать, ни закладные принимать – ни княгине твоей, ни боярам твоим, ни слугам твоим: ни смерда, ни купчины».

Князь недовольно поморщился, но тут же лицо его стало невозмутимым и бесстрастным. Как обычно, новгородцы желали многого, а платить за это намеревались малой кровью.

«...А в Немецком дворе тебе, княже, торговать через нашу братию; и двора тебе не затворять, и приставов не приставлять. А гостям нашим гостить по Суздальской земле без рубежа. А суд рядить тебе на Петров день согласно старому обычаю. А гнева ты, княже, до Новгорода не держи – ни до одного человека. А в Новгородской волости тебе, княже, и твоим судиям не судить. И самосуда не замышлять. Ни старосту, ни холопа, ни робы без господаря твоим судиям не судить...».

Прочитав, князь задумался. Договор договором, а жизнь всегда вносит свои поправки, и никто князю не указ в том, как управлять подвластными ему землями, как и кого судить-рядить. Сила Новгорода и его деньги нужны были Юрию Данииловичу позарез. Но он понимал, что этот кусок чересчур большой для него, в горле застрянет. Пока хан Тохта жив (чтоб он побыстрее издох, нехристь!), ему в Новгороде не править.

То, что они с князем Михаилом Тверским затеяли усобицу, хана особо не волновало. Он не терпел лишь ослушников его приказов и нарушение Великой Ясы – сборника монгольских законов, составленного Чингисханом. Юрий Даниилович хорошо запомнил случай с русским ратником, который пленил мятежного темника Ногая.

Темник Ногай, правитель западных областей Орды – причерноморских степей и северного Крыма, попытался сбросить власть золотоордынских ханов и стал фактически независимым государем. Опираясь Ногай в основном на половцев. К тому же, нуждаясь в поддержке на Руси, он договорился о союзе с Дмитрием Александровичем, князем Переяславля. В итоге честолюбивый темник достиг больших успехов, контролируя ханов Орды и проводя политику по собственному усмотрению. Так продолжалось до тех пор, пока энергичный хан Тохта не договорился, в свою очередь, о союзе с Андреем Александровичем, князем Городецким, войска которого пришли ему на помощь.

В 1299 году в решающей битве волжские татары, поддержанные русским войском, а также сибирскими и среднеазиатскими татарами Синей и Белой Орды, одержали верх. Сам Ногай попал в плен. Пленил грозного темника русский ратник. Но он не отвел пленника к хану, а отрезал ему голову, которую и принес Тохте. Поступок был с точки зрения военной монгольской этики неприличным – темника Ногая полагалось казнить, как преступника, по ханскому приговору, а вовсе не убивать самосудом как простого пленника. И Тохта, вместо ожидаемой русским ратником награды, велел отрубить ему голову.

Поэтому Юрию Данииловичу было над чем подумать. Хан Тохта редко менял свое решение, для этого нужен был повод более, чем веский. Только где его взять? Хорошо бы удвоить свою дружину, вот тогда можно было и Михаила взять за жабры, и за ярлык на большое владимирское княжение побороться.

Но за все нужно платить, а ратники дорого обходятся. Добрый боевой конь стоит не меньше семи гривен, а еще оружие, доспехи, наконец, харч... Коробья ржи стоит десять кун²¹, берковец²² соли – двадцать четыре куны, ветчинный окорок – пять кун... эдак можно в большой разор войти, с чем тогда в Орду ехать? Приедешь туда с пустыми руками на лошади, увезут из Орды на телеге с отрубленной головой.

²¹ Куна – металлическая (серебряная) денежная единица Древней Руси. Название происходит от шкурки куницы, которая до начала монетного обращения у восточных славян играла важную роль в их торговле с Востоком. В связи с тем, что куна была одной из основных платежных единиц, древнерусская денежная система получила название «кунной системы». В нее входили: гривны, ногаты, куны, резаны и веверицы (векши). Гривна = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам = 100–150 веверицам.

²² Берковец – старорусская единица измерения массы, равная 10 пудам = 164 кг.

Ну и что теперь ответить посаднику? Мол, подождите, люди добрые, пока Москва в силу войдет, вот тогда и... Но скажи так новгородцам, на смех поднимут. И никогда более княжить не пригласят. Он ведь заехал в Новгород не для того, чтобы в очередной раз схлестнуться с князем Тверским, а по причине более простой и прагматичной – ему позарез нужны были деньги. Московское купечество по зажиточности не шло ни в какое сравнение с богатым новгородским, торговавшим с Европой, поэтому только новгородцы могли дать ему большую ссуду.

Кроме того, Юрий Данилович, сам отменный хитрец, не без оснований полагал, что у посадника имеется еще одна такая же грамотка, в которой вписано уже имя князя Тверского.

Неизвестно, как бы выкрутился князь Московский из этой сложной и непредвиденной ситуации, но тут ему на выручку пришел господин Случай. В дверь постучали, и в комнату без особых церемоний ввалился лохматый мужик, на шее которого висела гривна на цепочке – отличительный признак новгородского тысяцкого. Отвесив поклон князю, он обратился к посаднику:

– Там, энто, Лука Варфоломеевич прибыл... Желает свидеться.

– Ты разве не видишь, дубина, что мы с князем о делах важных толкуем?! Пусть подождет.

– Никак невозможно. Лука Варфоломеевич требует немедленной встречи. Важные сведения привез.

– Ну, коли так... – Посадник огладил бороду и не без некоторого смущения обратился к Юрию Даниловичу: – Вот ведь как бывает... дело, значит, важное, не терпит отлагательств... Уж извини, князь, – служба. Обожди маленько.

– Понимаю, понимаю... – Князь облегченно вздохнул. – Если надо, значит, надо. Долг превыше всего.

Он не знал, кто такой Лука Варфоломеевич, но, судя по поспешности, с которой новгородский посадник выскочил за дверь, князь догадался, что человек это не простой и Юрий Мишинич ему чем-то обязан.

Так оно и было. Посадник, как и многие другие новгородские бояре, принимал активное участие в подготовке грабительских походов ушкуйников – ссуживал разбойников деньгами, получая при этом немалую прибыль. Большие вольности породили в Новгороде так называемый «охочий люд», готовый на любые авантюры. Чтобы избавиться от их буйства, бояре нашли им опасное, но одновременно и прибыльное дело – расширять пределы Новгородской волости и защищать свои интересы от иноземцев. С чем ушкуйники и справлялись в меру своих сил и возможностей.

В этот раз ватагу Луки Варфоломеевича посадник снаряжал единолично. Уж больно богатый прибыток намечался при удаче. А Лука был удачливым атаманом. Обычно ушкуйники промышляли по рекам, но тут Лука Варфоломеевич решил выйти в море, чтобы пощипать чужеземные берега – в отместку за поход на новгородцев, который несколько лет назад совершила сумь вместе со свеями под командованием свейского маршала Кнутссона. Тогда флотилия свеев вошли в Нево и пожгли новгородские ушкуи; на большее духу у иноземных разорителей не хватило...

Когда Юрий Мишинич возвратился, князь Московский уже обдумал ответ, и теперь, довольно щурясь, как сытый кот на завалинке, прихлебывал из серебряного кубка вино, которое принесли ему по наказу посадника – чтобы скоротать время с полным удовольствием. Юрий Мишинич был сильно взволнован.

– Неужто случилась какая-то беда?! – встревожился князь.

– Не знаю, что и думать... – Посадник плеснул в кубок вина и выпил одним духом. – Боярин доложил, что на подходе к Новгороду восемнадцать больших насад с иноземными каликами.

– Какого рожна им здесь нужно?! Что они забыли в Новгороде? – удивился Юрий Данилович. – Святые земли в другой стороне.

– В том-то и дело, что калики эти не простые. Рыцари это, храмовники.

– Не может быть! – поразился князь.

И до Москвы уже дошли вести, что французский король затеял свару с Орденом рыцарей Иерусалимского Храма и что многие из них томятся в темницах и ждут суда. Значит, король Филипп не всех храмовников выловил... Похоже, это никакие не калики-паломники, а беглецы от правосудия. Посадник рассказывал о том, что узнал от Луки Варфоломеевича, а изворотливый мозг князя уже работал на полную мощь.

Он знал, что Орден очень богат. В Европе ему принадлежали обширные земельные владения, рыцари Храма обладали большими привилегиями, дарованными им папой римским, которому Орден непосредственно подчинялся, а также монархами, на землях которых проживали тамплиеры. Орденские служители занимались ростовщичеством, накопив при этом большой капитал. И если ломбардцы и евреи, которые тоже давали деньги в рост, занимались ростовщичеством тайно, то храмовникам в этом вопросе покровительствовала сама церковь.

Тамплиеры изобрели специальные ценные бумаги – расписки. Причем, если сумма вклада исчерпывалась, то вкладчик мог взять в долг с последующим восполнением наличности родственниками. Каждая расписка снабжалась отпечатком пальца вкладчика. За эти операции Орден брал небольшой налог. Наличие расписок-чеков освобождало купцов и путешественников от необходимости перемещений драгоценных металлов и денег. Можно было отправляться в паломничество с небольшим кусочком кожи, и в любой комтурии тамплиеров получить полновесную монету. Благодаря этому нехитрому способу денежная собственность владельца чека становилась недоступной для разбойников и грабителей, число которых было очень велико, а Орден в конечном итоге получал от этих операций немалую прибыль.

– ...Хорошо бы, князь, нам вместе встретить заморских калик, – тем временем продолжал посадник. – Все ж восемнадцать насад... да и рыцарей там много. Как бы беды не вышло. Вдруг это уловка тевтонцев или свеев? Чтобы застать нас врасплох. А тут ты со своей дружиной. У тебя ратники все молодцы как на подбор, к тому же, хорошо обучены, не то, что наши бояре, – польстил князю Юрий Мишинич. – Не посмеет заморский люд в твоём присутствии зло свершить.

Вот оно! Озарение пришло свыше – будто молнией ударило. Задружить с тамплиерами! Гляди, и деньгами помогут, не бедные, чай. Но главное – ратниками. А уж как могут драться рыцари Храма, Юрий Данилович хорошо знал. Отец рассказывал, как русские безземельные князья и их дружины принимали участие в крестовом походе и вместе с герцогом Годфруа де Буйоном решили исход битвы за Никею. Принять беглых храмовников на службу! Вот тогда и посмотрим, кто достоин места великого князя Владимирского...

– Умно, умно... – важно ответил князь. – Исполню твою просьбу, а как же. Как не помочь Новгороду в таком серьезном деле. – Он встал. – Благодарствую за угощение, боярин, пора и честь знать. Пойду к дружине, нужно готовиться к приему заморских гостей – оружие и доспехи начистить до блеска, одежду починить... да и время уже позднее.

Растерянный посадник, голова которого бурлила словно котел от разных мыслей, машинально поклонился князю, и тот отправился восвояси. В этот момент Юрий Мишинич забыл про все на свете, в том числе и про грамотку, которую намерен читал Юрий Данилович. Все его мысли были заняты заморскими каликами...

День выдался – загляденье. Солнце грело по-летнему, небо было чистым, только на горизонте ходили тучки, похожие на лебединый пух. Легкий ветерок над рекой был шаловлив, ласков и нес не обычную сырость, а сухое тепло.

Главная Волховская пристань полнилась народом. Впереди стояли князь Юрий Данилович, посадник и владыка новгородский, архиепископ Феокист. По причине плохого здоро-

вья он должен был вскоре уйти со своего поста и удалиться в Благовещенский монастырь, но новый владыка еще не прибыл в Новгород, и Феокист, преодолевая слабость и опираясь на церковного служку, стойчески ожидал появления храмовников. За ними теснились бояре – все оружные, в богатых одеждах. Позади бояр взволнованно переговаривались нарядно одетые горожане, в основном житьи люди и купечество.²³ Были на пристани и черные люди – весть о прибытии каравана заморских калик разнеслась по городу очень быстро. У многих новгородцев – не только бояр – на поясе висели мечи.

Меч для новгородцев был таким же привычным, как и нож, без которого за стол не сядешь – все ели с помощью рук и ножа (вилкой в те времена пользовались лишь венецианские дожи и папа римский и то лишь потому, что она была диковинкой и представляла собой произведение искусства). Выйдя на улицы Новгорода, иноземный купец мог подумать, что город сплошь населен рыцарями. По бревенчатым мостовым стучали подковы коней, на которых гордо восседали бородатые мужи в броне и с оружием, пешим ходом шествовали, не уступая никому дороги, детины в богатых одеждах с непременным мечом у пояса. Такие же мечи были и у тех, о ком говорили, что «у него в кармане вошь на аркане» – у голи перекатной.

Впрочем, можно было не сомневаться, что он принадлежит к «охочему люду». Спустив разбойную добычу в корчме, этот «вольный стрелок» неприкаянно слонялся по городу, ожидая набор добровольцев в очередной набег на земли Орды. Эти ежегодные набеги были для ушкунников вроде развлечения, потому что прежде воинственные монголы и татары стали вести оседлую жизнь, разжирели и обленились, и трепать их было одним удовольствием. Правда, не всегда эти походы заканчивались удачей. Воинское дело всегда палка о двух концах – то ли ты будешь сверху, то ли тебя заруют в сырую землю или бросят воронью на поживу.

И немцам, и арабам требовалось некоторое время, дабы понять, что меч, служивший во всех других странах признаком воинского сословия, на Руси могли носить все свободные и достаточно состоятельные для его покупки мужи. Меч не только носили, но и с легкостью использовали для защиты своего достоинства и имущества. Даже буйные викинги в свое время усвоили, что в Хольмгарде толкать горожанина, тыкать в него пальцем, а уж тем более хватать за бороду – опасно для жизни.

Вместе с новгородцами стояла и дружина князя Московского. Блистая доспехами, оружием и червлеными щитами, ее стройные ряды выглядели весьма внушительно. Но москвичи держались немного поодаль от новгородцев. Ведь принимающей стороной был Новгород, а не Москва. Это обстоятельство портило настроение Юрию Данииловичу, и он, нервно покусывая ус, размышлял, как здорово было бы, получи он ярлык на владимирское княжение. «Все равно верх будет моим! – злобно думал князь Московский, вызывая в зрительной памяти образ князя Тверского. – Ужо получишь ты у меня за все обиды!»

Парусные насады тамплиеров поразили новгородцев размерами – таких больших судов Северная Русь не строила. Но сами рыцари Храма не показались им диковинкой. Они стояли вдоль бортов слитной железной массой, готовые в случае нападения драться до последнего. В полном боевом облачении тамплиеры были очень похожи на рыцарей Ливонского ордена, и когда новгородцы смогли наконец разглядеть заморских калик во всех деталях, их руки невольно легли на рукояти мечей – еще жива была память о князе Александре Ярославиче,

²³ В Великом Новгороде существовало следующее сословное деление: 1. Бояре городские – высший класс; владели землями в городе и его окрестностях, имели капитал, ссужали деньги купцам, занимали все высшие должности. 2. Житьи люди – меньшие землевладельцы, чем бояре, и с меньшим капиталом, не занимавшие высших должностей; иногда занимались торговлей. 3. Купечество – делилось на гильдии, высшей из которых была «Ивановское сто». 4. Черные люди – в «черных людях» числились ремесленники, мелкие торговцы, рабочие. 5. Бояре сельские – владели сельскохозяйственными угодьями. 6. Своеземцы – не бояре, но люди, которые имели свою землю и сами ее обрабатывали. 7. Смерды – крестьяне, обрабатывавшие государственные земли. 8. Паломники. 9. Изорники, кочетники – крестьяне, обрабатывавшие чужие земли. 10. Закупы (от «купа» – долг) – крестьяне, бравшие плату за свою работу вперед. 11. Одерноватые холопы – низшая ступень, полные рабы; стали такими в результате невыплаты долга или совершения какого-либо проступка.

который нанес сокрушительное поражение Ордену в Ледовом побоище на Чудском озере. Несмотря на то, что двадцать лет назад Новгород заключил мирный договор с Ливонским орденом, новгородцы относились к рыцарям-ливонцам с предубеждением и опаской.

Шлюпка с предводителем рыцарей Храма причалила к пристани ровно напротив того места, где стояли князь, посадник и архиепископ; суда тамплиеров держались середины Волхова, не решаясь причалить без соизволения хозяев земли Новгородской. Жерара де Вийе сопровождали Гильерм де Лю и Жеро де Шатонефе. Они ступили на причал первыми. За ними гребцы-сервиенты²⁴ вынесли несколько сундуков с дарами.

Остановившись напротив посадника, рыцари поклонились ему, и Жерар де Вийе несколько витиевато сказал на ломанном русском:

– В вашем лице я приветствую благословенный Господом город Хольмгард, истинную жемчужину северных земель. Мы есть несчастные изгнанники, вынужденные бежать от несправедливого гнева короля французского. Прошу принять от нас эти скромные дары и позволить нам ступить на вашу землю... – Жерар де Вийе подал знак, и сервиенты открыли сундуки, выставленные в ряд.

Предводитель рыцарей Тампля знал, к кому обращаться, хотя не заметил князя Московского он не мог. Мало того, Жерару де Вийе было ведомо, что Юрий Данилович будет в числе встречающих. Дело в том, что по получении известия о прибытии тамплиеров в Новгород, посадник послал навстречу им опытного лоцмана, владеющего иноземными языками, который хорошо знал и коварное озеро Нево, и фарватер реки. Он-то и поведал Жерару де Вийе, как вести себя при встрече. Хозяином Новгорода был посадник, а князь Московский всего лишь гостем. Кроме всего прочего, у лоцмана была и другая задача. Он должен был проводить замыслы заморских рыцарей и в случае какой-либо опасности для новгородцев подать знак береговой страже.

При виде содержимого сундуков посадник едва не ахнул от приятного изумления, но все-таки промолчал – должность обязывала быть невозмутимым. Чего нельзя было сказать про бояр – они заволновались и одобрительно загудели. Такого щедрого подношения новгородцы еще не видали. Сундуки были заполнены золотыми и серебряными монетами, которые очень высоко ценились в Новгороде, разнообразными драгоценными камнями и серебряной посудой. Сколько все это добро могло стоить, не смог подсчитать в уме даже князь Московский; он хоть и слабо владел грамотой, но считать умел быстро.

«Надо их сманить в Москву, – подумал он, пожирая глазами сокровища. – Надо! Любой ценой!»

– От имени Новгорода милости прошу всех вас быть нашими гостями. – Посадник церемонно поклонился. – Вам будут указаны подворья, где вы можете разместиться, а также доставлены питье и еда в нужном количестве за счет городской казны.

Такое предложение было большой щедростью со стороны Юрия Мишинича. Но дары тамплиеров стоили того...

* * *

Вечером Юрий Мишинич рассказывал князю Московскому о переговорах с предводителем тамплиеров, которые происходили всю вторую половину дня:

²⁴ Сервиенты – члены Ордена Храма подразделялись на рыцарей, капелланов-священников и служащих братьев-сервиентов (сервиентес), от названия которых произошло впоследствии слово «сержант». С. подразделялись на оруженосцев, а также слуг и ремесленников. Наряду с этими тремя разрядами тамплиеров существовал еще и четвертый – светские члены Ордена («полубратья», по-латыни «семифратрес»). К числу «полубратьев» принадлежали также «донаты», добровольно оказывавшие Ордену какие-либо услуги, и «облаты», с детства предназначенные родителями к вступлению в Орден Храма.

– ...Но мы не можем всех их отставить в Новгороде! – Посадник смахнул пот со лба и жадно припал к краю кубка, в котором находилось охлажденное вино.

– Почему? – вроде безразлично спросил князь.

А сам насторожился как охотник, увидевший красного зверя. Он предполагал, что именно так оно и будет, ждал этих слов от посадника. Похоже, его надежды сманить тамплиеров в Москву не так уж и беспочвенны.

– В городе и сейчас много иноземцев. А тут еще эти... И все оружные, все добрые вои. Ну, как заварится какая-нибудь каша? Своим лад не можем дать, а ежели еще и эти возьмутся за мечи, то тогда нам хоть с моста да в воду.

– А как они мыслят свою жизнь в Новгороде? – осторожно спросил Юрий Данилович.

– Готовы стать под наши знамена... – буркнул посадник. – Но у нас нет постоянной дружины! Если наступает лихая година, собираем ополчение, а в мирное время все мы трудимся. И потом, где столько средств в казне найти, чтобы содержать такую большую дружину?! Правда, одно предложение главного боярина гостей нам пришлось по нутру...

– И что же он предложил?

– Построить на Ореховом острове крепость. Пока деревянную – леса там вполне хватит для этого дела, а затем и каменную. Ведь Ореховый остров – это пробка, затыкающая проход в Нево. Никакая вражина не пройдет мимо. Мы уже как-то думали на сей счет, да все руки не доходят. И средств не хватает...

– «Пожадничали новгородцы, пожадничали, – мысленно улыбнувшись словам посадника, подумал князь. – Место там для крепости самое что ни есть подходящее. Эх, мне бы княжение новгородское! Сразу крепостцу поставил бы на Ореховом острове».

– Может, и впрямь принять это предложение?

– Разумно, очень разумно.

– Так-то оно так, но ведь всех приезжих на Ореховый остров не воткнешь. Их слишком много. Вот и думай теперь, как быть.

– Позволь, боярин, прийти к вам на выручку.

– Это как? – оживился посадник.

– Оставьте себе нужное количество воинов для гарнизона на Ореховом острове, а остальных я приглашу в Москву.

– А если не уговоришь?

– Уговорю, – с уверенностью ответил князь.

Он уже знал, что предложить беглым тамплиерам...

На следующий день Жерар де Вийе и его ближайшие помощники были приглашены на Княжий двор – отобедать вместе с князем Московским. Это была великая честь для тамплиеров, и они облачились в свои лучшие одежды. Только теперь, по совету посадника (и по здравому размышлению), тамплиеры сняли свои белые плащи с красным крестом и надели кафтаны, которое носили все иноземные гости, чтобы особо не выделяться из толпы новгородских гостей. Храмовникам меньше всего хотелось, чтобы король Филипп или папа римский узнали, в какую страну бежали рыцари опального Ордена.

Княжеской резиденцией считалось Городище. Оно находилось при истоке реки Волхов из озера Ильмень, напротив Юрьева монастыря. Здесь обычно держал свой стол призванный новгородским вече князь, его дружина и разные службы. Но поскольку Юрий Данилович не имел такого статуса, московского гостя поселили на Княжем дворе, где размещались приказы княжеских наместников. Здесь же находилась и древняя Вечевая площадь с деревянным помостом – «вечевой степеню», где во время собрания размещались высшие новгородские сановники.

К ограде Двора примыкала самая оживленная часть знаменитого новгородского Торга, где торговали привозными серебром и золотом в слитках, медью, сукном, винами, шелковыми

тканям и пряностями. Восточные ароматы проникали в княжеские покои, и разомлевшему от обильного угощения Жерару де Вийе временами казалось, что он находится в парижском Тампле, а за окном шумит-гудит рынок Шамплю.

– Возвращаясь к нашему разговору, хочу предложить вам следующее... – Голос князя Московского, обычно грубовато-властный, стал медоточивым и сладким. – Вы и ваши люди переезжают на жительство в Москву. Понятно, за исключением тех, кто пожелает остаться в Новгороде. Правда, здесь вам вряд ли предложат больше, чем я...

– Хотелось бы услышать, на что именно мы можем рассчитывать? – спросил Жерар де Вийе, разом отбросив задумчивость и расслабленность, навеянные воспоминаниями о недалеком прошлом.

– Во-первых, на мою защиту. До Москвы уж точно не дотянется ни король Филипп, ни, тем более, папа римский. Во-вторых, вам будут бесплатно предоставлены земли и возможность обустриваться так, как вы сами захотите. В-третьих, я хочу пригласить ваших воинов в свою дружину. Они будут на моем полном обеспечении. И, в-четвертых, Москва готова принять любое (подчеркиваю – любое!) количество изгнанников, принадлежащих к Ордену Храма.

Жерар де Вийе даже немного опешил. Он не поверил своим ушам. То, что предлагал князь Московский, было пределом его мечтаний! По рассказам людей бывалых, прецептор знал, что русским можно доверять. Они не изменяют своему слову... в отличие от франков и их короля Филиппа, надменного глупца и клятвопреступника.

Немного помедлив, Жерар де Вийе выпрямил спину и торжественно молвил:

– Быть по сему!

Словно в подтверждение его слов за окном раздался гулкий бас вечевое колокола. Посадник собирал новгородский люд, чтобы решить вопрос с заморскими каликами, которых обидели король галлов и папа римский. Предложение Жерара де Вийе построить крепость на Ореховом острове и поставить там гарнизон, состоящий из рыцарей Ордена Храма, бояре уже одобрили, и дело оставалось за малым – утвердить этот полезный Великому Новгороду замысел народным Вече.

Глава 1

Великий инквизитор. Севилья, 1564 год

Беда пришла ранним утром. Сонные матросы каравеллы «Ла Маделена» никак не могли понять, что хочет от них монах-доминиканец в черной сутане с капюшоном. С небольшой группой солдат-копьемосцев он явился на корабль, когда небо на востоке уже начало светлеть, а прозрачные края туч над горизонтом покрылись позолотой, окрасив тихие воды реки Гвадалквивир в розовый цвет. Наконец до боцмана, который успел вылить на похмельную голову ковшик холодной воды, кое-что дошло, и он велел одному из матросов позвать капитана.

Капитан каравеллы Альфонсо Диас де Альтамарино появился на палубе в элегантном костюме из черной парчи, отделанном серебряными позументами, и с неизменной шпагой на боку. «Ла Маделена» пришвартовалась в порту Севильи вечером. Разгружаться было поздно, и он дал матросам возможность отвести душу в многочисленных припортовых тавернах за бутылкой доброго вина, потому как во время рейса существовал «сухой» закон – самое неприятное и болезненное явление для всех морских волков. Вино подавалось лишь к обеду, и то немного, да еще повар доливал спиртное в воду для питья, чтобы команда не маялась животами. Поэтому матросы поднялись на борт судна далеко за полночь и качались так, будто по Гвадалквивиру пошла высокая волна.

Путь из Нидерландов выдался трудным, море почти все время штормило, но капитан надеялся, что выручка за груз, покоившийся в трюме, перевесит все тяготы, выпавшие на долю команды. «Ла Маделена» доставила в Севилью высоко ценимый новгородский воск и лен; но главными сокровищем капитана, который одновременно являлся и купцом, была пушнина – шкурки соболя, норки, бобра и горноста. За сотню собольих шкур из России в Испании платили девяносто золотых дукатов²⁵. Сотня шкурок норки стоила тридцать пять дукатов, а сотня бобровых и горностаевых шкур – около двадцати. В последние годы дефицитные русские меха сильно поднялись в цене, и сумасбродные модницы и модники, в особенности придворные, готовы были выкладывать за них баснословные суммы.

К сожалению, Альфонсо Диас не имел возможности торговать с Хольмгардом напрямую. Все товары капитан покупал у нидерландских купцов и давал за них денег раз в пять больше, нежели голландцы платили русским. Тем не менее он все равно оставался с большой прибылью и уже подумывал приобрести еще одну каравеллу. Этот тип судов постепенно уступал место большим и вместительным галеонам²⁶, поэтому каравеллы сильно упали в цене. Их использовали в основном для каботажного плавания – неподалеку от берега.

Присмотревшись к сопровождавшим монаха копьемосцам, Альфонсо Диас похолодел – позади него стояли солдаты-полицейские «Святой Эрмандады»!²⁷ Это были верные слуги инквизиции, и там, где они появлялись, всегда раздавались крики отчаяния, плач и стенания.

– Что... кгм!... – прокашлялся капитан, чтобы проглотить ком, застрявший в горле. – Что вы хотите, святой отче? – обратился он к монаху-доминиканцу.

– Нам нужен штурман вашего корабля Жуан Родригеш Алмейду, – кротко ответил монах, опуская глаза вниз. – Где он?

²⁵ Дукат – золотая монета весом 3,5 г; впервые появилась в Италии в 1284 году, а позже стала чеканиться и другими странами Европы.

²⁶ Галеон – большое многопалубное парусное судно XVI–XVIII вв. с достаточно сильным артиллерийским вооружением, использовавшееся как военное и торговое. На вооружении галеона было до 30 орудий и значительное количество (до 100) переносных мушкетонов для стрельбы через бойницы с галереи кормовой надстройки и верхних этажей носовой надстройки.

²⁷ «Святая Эрмандада» – полицейское воинство в средневековой Испании, предназначавшееся для подавления всевозможных сепаратистских и еретических течений. Возникла в кастильских городах в XIII в.

Альфонсо Диас замялся. Конечно же показная кротость доминиканца его не обманула. Святая инквизиция пришла за очередной жертвой, а тот, кто попадал в ее застенки, редко получал отпущение грехов и, тем более, свободу. Многим были известны слова одного из главных инквизиторов, сказанные испанскому королю: «Не беда, если мы сожжем сотню невинных, лишь бы среди них находился хоть один еретик».

Под еретиками разумелись любые враги папы римского, но в особенности евреи и магометане. От инквизиции не спасала даже смерть, потому что трупы виновных вырывали из земли и сжигали на костре. Обычно имен судей и свидетелей никто не знал. Если кто сознавался при допросе, его навеки замуровывали в подземельях или приговаривали к всенародному отречению от ереси. Несчастного выставляли в церкви в желтой одежде с красными крестами и со свечой в руке. Даже прощенный, еретик ходил с красным крестом на платье, чтобы от него бежали как от зачумленного. Кто не сознавался или попадался во второй раз, того отдавали в руки светской власти, которая охотно сжигала его живьем или после удушья.

Капитан, как и все нормальные люди, тем более, его профессии, – естественно, грешил и грешил немало, поэтому панически боялся святой инквизиции. Но ему очень не хотелось отдавать в ее лапы штурмана «Ла Маделены». Португалец Жуан Алмейду обладал поистине феноменальными познаниями в судовождении. Его портуланы²⁸ были удивительно точны, и когда он прокладывал курс, Альфонсо Диас мог быть абсолютно уверенным, что каравелла прибудет в порт к назначенному сроку, или по крайней мере с кораблем ничего не случится. Жуану Алмейде были известны все течения, все рифы и мели на пути в Нидерланды; мало того, он знал несколько языков и выступал в качестве переводчика, что экономило купцу немало денег.

Пауза несколько затянулась, и монах впервые посмотрел прямо в глаза капитану «Ла Маделены».

Альфонсо Диасу показалось, что на него уставилась гадюка. Он даже отшатнулся и едва не перекрестился, но вовремя придержал руку. Снова прокашлявшись, капитан ответил внезапно охрипшим голосом:

– Он должен быть в своей каюте...

Тут ему послышался плеск за бортом, но он не придавал этому значения – в утренние часы играла рыба, а в Гвадалквивире ее было немало.

Монах отдал приказание, и солдаты бросились на полубак. Однако каюта Жуана Алмейду оказалась пустой.

– Куда девался штурман?! – резко спросил монах, мигом сняв словно карнавальную маску смиренное выражение на упитанном обрюзгшем лице.

– Не знаю... – Капитан растерянно развел руками. – Может, не вернулся с берега?

Он солгал. Альфонсо Диас знал, что штурман не покидал каравеллы. Едва «Ла Маделена» причалила к молу, Жуан Алмейду закрылся в своей каюте, уведомив капитана, что никуда не пойдет, хочет как следует выспаться. Альфонсо Диас, может, и поверил бы штурману, но он слишком хорошо его знал.

Португалец был вынослив, как горный мул. Когда во время продолжительного шторма все валились с ног, штурман стоял у руля словно скала; его не смущали ни дождь, ни ветер, ни качка, когда палуба уходит из-под ног и человеку хоть за воздух держись.

Похоже, на Готланде, главном торговом перекрестке Балтики, где у них была короткая стоянка, чтобы запастись продовольствием, – на острове все было куда дешевле, чем в Амстер-

²⁸ Портулан (портолан) – древняя карта, использовавшаяся главным образом европейскими мореплавателями Средних веков. Обычно на портулан были нанесены параллели и меридианы, населенные пункты и береговые ориентиры. Портуланы не учитывали кривизну земли, что делало их малоценными для плаваний через океан, однако это было очень удобно для каботажных линий.

даме – Жуан Алмейда получил какое-то неприятное известие. Весь остальной путь до самой Севильи он был мрачнее грозовой тучи, а на вопросы капитана часто отвечал невпопад.

– Не знаете или не хотите сказать, сеньор капитан? – спросил монах, прищулив левый глаз – будто целился из мушкетона.

– Клянусь святой пятницей – мне неизвестно, где сейчас может находиться штурман! – вспыхнул Альфонсо Диас. – Я спал, когда вы пришли!

– Тогда, с вашего позволения, мы обыщем судно.

– Ищите, – устало сказал капитан, ругая себя последними словами за нечаянный порыв.

Инквизиторы не любили, когда на них повышали голос. Это могло окончиться печально для капитана «Ла Маделены».

Солдаты Эрмандады заглянули в самые потайные уголки на каравелле, но штурман словно в воду канул. Впрочем, скорее всего, так оно и было, Альфонсо Диас вдруг вспомнил плеск воды за бортом. Похоже, Жуан Алмейда не стал дожидаться, пока его арестуют...

– Вы пойдете с нами, – непререкаемым тоном приказал монах-доминиканец; солдаты мигом окружили капитана и забрали у него перевязь со шпагой.

– Почему?! – воскликнул Альфонсо Диас, совсем утратив самообладание. – Нет, нет, я не могу... Я не могу оставить судно! Здесь у меня товар, я должен отправить его на склад, затем нужно рассчитаться с командой... Я не могу!

– На ваше судно наложен арест... до выяснения всех обстоятельств дела. – Доминиканец снова принял кроткий вид. – Вы не беспокойтесь, сеньор капитан, его будут охранять. Что касается вас, – тут инквизитор перевел взгляд на дрожавших от страха матросов, – то вам придется пройти в кордегардию²⁹ и дать там необходимые показания альгвасилу³⁰.

На пристани капитана ожидала тележка, в которую был запряжен унылый старый мул. Он даже не реагировал на полчища мух, облепивших его словно сдобный медовый хлебец. Альфонсо Диаса усадили на тележку, которую тут же окружили солдаты. Монах-инквизитор, подоткнув сутану, взгромоздился на невысокую послушную лошадку, и вся эта небольшая процессия направилась на окраину Севильи, к замку Трианы. Число севильских инквизиторов было настолько значительным, что определенный для их проживания монастырь оказался слишком тесным, и трибунал разместился в замке.

Старинный замок Трианы имел и другое название – Святая Обитель. Так обычно именовали тюрьму инквизиции. Вследствие мавританского влияния, все еще доминировавшего не только в архитектуре, но и в повседневной жизни города, Святая Обитель была обращена на улицу глухой стеной. Еще совсем недавно арабская речь звучала на улицах Севильи так же естественно, как испанская, пока не вышел специальный указ, запрещавший горожанам говорить по-арабски. Поэтому и мориски, и мараны³¹, для которых арабский был вторым, почти родным языком, говорили на нем лишь дома, между собой, при этом стараясь не повышать голоса.

Длинная каменная стена замка была мрачной и непроницаемой, как лица инквизиторов, которые трудились в замке не покладая рук, утверждая чистоту Веры. Широкий портал замка, исполненный в готическом стиле, закрывался двойными массивными воротами из дубовых плах с рельефными железными украшениями. Над порталом висел щит с изображенным на нем зеленым крестом – два грубо срубленных сука, на которых еще остались веточки с набухшими

²⁹ Кордегардия – караульное помещение, гауптвахта, помещение для стражи.

³⁰ Альгвасил – в Испании младшее должностное лицо, ответственное за выполнение приказов суда и трибуналов, в соответствии с законодательством. В средневековой Испании альгвасилы исполняли роль полицейских. Кроме того, существовала почетная и уважаемая должность «великий альгвасил» – судебный пристав в верховном совете инквизиции.

³¹ Мориски – в средневековой Испании и Португалии мусульмане, официально (как правило, насильно) принявшие христианство. Мараны – термин, которым христианское население Испании и Португалии называло евреев, принявших христианство, и их потомков, независимо от степени добровольности обращения.

почками. Под крестом был начертан один из девизов святой инквизиции: «*Exsurge Domine et judica causam Iuam*» – «Восстань, Господи, и защити дело свое».

В одной из створок ворот была прорезана калитка, а в другой – на уровне человеческого роста – зарешеченное оконце, откуда выглянул привратник и впустил процессию во двор замка. Через главный вход в готическом стиле Альфонсо Диаса провели в облицованный камнем зал. Деревянная лестница слева вела на второй этаж, а в дальнем углу зала чернел вход в мрачный коридор, похожий на туннель. В начале коридора находились каменные ступени, ведущие в подземелье, где помещались погреба и темницы.

Оцепеневший от непреходящего ужаса, капитан все же сумел рассмотреть через вторую дверь зала – кованую, в виде решетки с металлическими розами, – залитый солнцем внутренний дворик: аккуратно подстриженные зеленые кусты, много цветов, виноградные лозы на шпалерах, поддерживаемых гранитными колоннами, фиговое дерево у кирпичной стены. А дальше его взор привлек тонкий мавританский ажур крытой аркады. Там медленно расхаживали парами монахи-доминиканцы в черно-белом облачении, читая молитвы. Из дальней часовни доносился запах ладана и воска.

Казалось, что в Святой Обители царят мир и покой. Любой злосчастный иудей, заблудший мавр или христианин, подозреваемый в ереси, доставленный сюда служителями инквизиции, чувствовал, как страх уходит, а взамен появляется уверенность, что в таком месте с ним уж точно ничего плохого не может случиться. То же чувство испытал и Альфонсо Диас. Пока капитан томился в ожидании тюремного надзирателя (им тоже оказался монах-доминиканец), в его душе, истерзанной дурными мыслями и предчувствиями, наступило временное просветление. В чем его могут обвинить? Разве что в приятельских отношениях с Жуаном Алмейдой. Так ведь человеку в душу не заглянешь. И потом, он понятия не имеет, в чем инквизиция обвиняет штурмана.

Его определили не в подземный каземат, чего больше всего боялся Альфонсо Диас, а в камеру на первом этаже с небольшим зарешеченным оконцем под самым потолком, где были стол, стул и тюфяк, набитый свежей соломой. Мало того, капитану даже принесли несколько лепешек и кувшин воды, чтобы он утолил голод и жажду. Но есть ему совсем не хотелось, он лишь пил воду и неустанно метался по камере, как загнанный зверь. Ночью капитан почти не спал, и когда утром его повели на допрос, он мысленно попрощался с белым светом и приготовился к худшему.

Альфонсо Диас не был трусом, отнюдь; ему не раз приходилось сражаться за свою жизнь, – как в драках, которые не раз случались в портовых тавернах, так и с пиратами, но будь у него возможность выбора, он предпочел бы смерть от навахи³² какого-нибудь цыгана, нежели суд инквизиции.

Увидев, КТО его будет допрашивать, капитан помертвел. Это был сам Великий инквизитор Испании, его высокопреосвященство дон Фернандо Вальдес. Капитану уже приходилось однажды видеть этого страшного человека – во время аутодафе. В момент своего нового назначения главным инквизитором дон Фернандо Вальдес уже был епископом Сигенсы и председателем королевского совета Кастилии. До этого он являлся членом административного совета архиепископии Толедо, каноником митрополичьей церкви Сант-Яго в Галисии, членом государственного совета, епископом Эльны, Оренсе, Овьедо и Леона и председателем королевского апелляционного суда в Вальядолиде. Судя по этим должностям, дон Фернандо Вальдес был человеком незаурядным.

Тем не менее, пройдя все эти места и должности, он так и не смог получить кардинальской шляпы. Это обстоятельство сильно огорчало Великого инквизитора, и из-за этого он был

³² Наваха – большой складной нож; Наваха появилась в Испании из-за запрета для простолюдинов на ношение длинных кинжалов.

чересчур жесток и немилостив к подследственным. Под его управлением святая инквизиция наводила ужас не только в Испании, но и в сопредельных государствах. Шпионы дона Вальдеса рыскали по всему Пиренейскому полуострову, и не было от них никакого спасения.

Широкие окна небольшого судебного зала с белеными стенами выходили во дворик. Они были расположены высоко и давали много воздуха и света, однако через них Фернандо Диас видел лишь клочок пронзительно голубого неба. За длинным сосновым столом с распятием и Евангелием в кожаном переплете меж двух высоких свечей сидели трое судей в сутанах с капюшонами. В центре находился Великий инквизитор, дон Фернандо Вальдес, по правую руку от него – священник епархии, а по левую – помощник прокурора.

Сбоку от них, судя по перьям, листам плотной желтоватой бумаги и чернильнице, сидел нотариус трибунала, а рядом с ним – человек, который, по идее, никак не мог присутствовать на заседании трибунала. Это был боцман «Ла Маделены», которого звали Педро Гонсалес. Дело свое он знал хорошо, но был чересчур лстыив и угодлив, поэтому отношения между ним и капитаном всегда были официальными – потомственный идальго Альфонсо Диас де Альта-марино инстинктивно сторонился таких людей, тем более, что боцман был выходцем из района Трианы, расположенного неподалеку от замка, где в основном проживало одно отребье.

Судя по тому, что Педро Гонсалес весьма вольготно расположился на своем табурете и на его плоской обветренной физиономии нельзя было заметить ни тени страха, вполне понятного и оправданного в этих стенах, он был доносчиком; а скорее всего – шпионом инквизиции.

Инквизиторы молча смотрели на Альфонсо Диаса, приближающегося к столу. Священник и помощник прокурора были в капюшонах, и их лица скрывались в тени, зато худое аскетическое лицо престарелого дона Вальдеса капитан мог рассмотреть во всех подробностях – Великий инквизитор был простоволос. Он милостиво кивнул головой, и стражник заставил капитана сесть на табурет перед столом. Сделать это было непросто – ноги Диаса стали деревянными и не сгибались в коленях.

Сначала последовали вопросы, обязательные для любого следствия, которое проводилось святой инквизицией: имя, фамилия, родители, место жительства, общественное и финансовое положение. Спрашивал помощник прокурора, а ответы на них, поскрипывая гусиным пером, записал секретарь-нотариус трибунала. Затем начался допрос; вел его дон Фернандо Вальдес.

– В каких отношениях вы были с Жуаном Родригешом Алмейдой?

– Он штурман моего судна...

– Это нам известно, – мягко перебил капитана Великий инквизитор. – Отвечайте свободно, вы ПОКА ни в чем не обвиняетесь. Но нам нужна правда, только правда, и ничего, кроме правды.

Дон Вальдес говорил низким ровным голосом, мягким и вкрадчивым тоном, внушая непредвзятому человеку доверие и даже симпатию. Его голос был на редкость благозвучным. Не доверять человеку с такими интонациями, бояться его было просто невозможно; голос его высокопреосвященства был тверд, но порой в нем звучала почти женская нежность. А круглые очки на узком и длинном лице с небольшой остроконечной бородкой, уже изрядно тронутой сединою, и вовсе навевали умиротворяющие мысли. И голосом, и манерами дон Фернандо Вальдес напоминал патриархального дядюшку, читающего любимому племяннику нравоучительные нотации, которые у того обычно пролетают мимо ушей.

Тем не менее именно с подачи этого «добряка» в очках святая инквизиция усовершенствовала технику уничтожения еретиков и прочих инакомыслящих. В поле, за городом, где происходили казни, был построен специальный помост – таблада, давший название тому месту, с которого произносились приговоры. А поблизости для костра было воздвигнуто из камня лобное место. Этот эшафот назывался кемадеро – жаровня. На кемадеро возвышались четыре большие каменные статуи библейских пророков, к которым привязывали еретиков, приговоренных инквизицией к сожжению. Статуи были сооружены на пожертвования ревностных

католиков. Весь этот антураж для отправки еретиков на небеса был задумкой изощренного ума дона Фернандо Вальдеса.

– Я не замечал за Жуаном Алмейдой никаких еретических проявлений! – Капитан «Ла Маделены» наконец вернул себе смелость и здравость мысли. – Он верный сын католической церкви!

– Вы это утверждаете категорически? – Во вкрадчивом голосе главного инквизитора Диасу послышалось змеиное шипение.

Это отрезвило приободрившегося капитана, и он осторожно ответил:

– Полностью ручаться я могу только за себя.

– Наконец мы услышали верный ответ... – Дон Вальдес мягко улыбнулся; священник и помощник прокурора согласно закивали капюшонами. – Скажите, а вы не замечали за штурманом каких-либо странностей?

Альфонсо Диас метнул быстрый взгляд на боцмана. Капитану показалось, что тот подмигнул ему (чего ради?!); мысли понеслись вскачь, и он ответил полуправду – все равно Педро Гонсалес не даст соврать:

– Замечал. Он подвержен быстрой смене настроения. Особенно плохо на него действует штормовая погода. Тогда Алмейда просто места себе не находит, становится раздражительным и злым.

– И это все?

Капитан «Ла Маделены» пожал плечами и подтвердил:

– Все.

– Немного. Жаль, что вы не хотите сотрудничать с трибуналом. Очень жаль... – Тон Великого инквизитора был настолько зловещим, что у Диаса внутри все опустилось. – Что ж, придется освежить вашу память.

Он кивнул секретарю, тот взял из кипы бумажный листок и начал читать:

«Верный Святому престолу человек докладывает:

1. Штурман Жуан Алмейду настоял, чтобы “Ла Маделена” зашла на остров Готланд якобы для пополнения запасов провианта. Однако в этом не было острой необходимости. Продуктов при разумной экономии нам должно было хватить до самой Севильи.

2. На острове, когда мы стояли в порту города Висби, он перепоручил закупку продовольствия корабельному повару, а сам тайком отправился на встречу с неким господином. Встреча состоялась в развалинах церкви Святого Олафа, которую в свое время разрушили и сожгли любекские купцы.

3. О чем шел разговор, верному человеку подслушать не удалось. Но он узнал имя человека, с которым встречался штурман Алмейду. Его звали Адемар Монтегю. Он был не местным и проживал на постоялом дворе “Голова мавра”.

4. Всю обратную дорогу сеньор Алмейда был в отвратительном настроении – кричал на матросов и ругался нехорошими словами. Видимо, он получил какую-то плохую весть».

– Достаточно, – остановил секретаря Великий инквизитор. – Что вы на это скажете?

Альфонсо Диас растерянно молчал. Все было верно – именно так, как изложил «человек, верный Святому престолу», скорее всего, шпион инквизиции боцман Педро Гонсалес. Продовольствия и впрямь вполне хватало, но капитан согласился с мнением португальца, которого уважал, потому, что надеялся остатки продуктов выгодно продать в Севилье (что, впрочем, может и не получиться, особенно с солониной, которая, как оказалось, немного испортилась).

Знал Диас и о проступке штурмана, – с точки зрения порядка на корабле – поручившего вести денежные дела не очень грамотному коку. Правда, тот был человеком честным и с делом справился неплохо – наверное, выучил все наказания Жуана Алмейду наизусть. Вот только с солониной ему не подфартило. Больно уж купчишки ушлые на Готланде, все, что угодно, могут всучить за чистую монету.

Но капитану ничего не было известно о встрече штурмана с Адемаром Монтегю. Кто этот человек? Может, просто знакомый? Мало ли кого можно встретить в портовых тавернах, когда долго плаваешь по морям. Однако, судя по доносу шпиона, они встречались тайно. Тайно! А это уже наводило на определенные мысли...

– Ничего, – честно ответил капитан «Ла Маделены». – На Готланде за штурманом я не следил и вообще никогда не следил, про его встречу с неизвестным мужчиной не знаю, а что касается остальных фактов, изложенных в донесении, то я с ними согласен, почти все правильно.

– Значит, вы подтверждаете, что продуктов на каравелле вполне хватало до Севильи? – Голос Великого инквизитора снова стал мягким и вкрадчивым.

«Ну нет уж! На мякине меня не проведешь!» – подумал воспрянувший духом Альфонсо Диас. Если он ответит утвердительно, значит, ему припишут соучастие в тайных делах штурмана. Что могло означать только одно: допрос с пристрастием и (в лучшем случае) тюрьма. А в худшем – прямая дорожка на кемадеро, где его зажарят, как свинью.

– Только если на нашем пути не встретились бы никакие препоны, из-за которых рейс мог затянуться, – ответил капитан.

– А они были?

– Несомненно. Нас трепали шторма, и «Ла Маделена» пришла в Севилью с опозданием на три дня. Не запасись мы продуктами, нам пришлось бы голодать. И потом – все моряки это знают – на Готланде продовольствие значительно дешевле, чем в Нидерландах. А значит, покупать его там выгодно.

Дон Фернандо Вальдес бросил быстрый взгляд на боцмана «Ла Маделены», и тот кивком головы подтвердил слова капитана. При этом на его физиономии появилось виноватое выражение. Великий инквизитор изменился в лице; его черные глаза грозно сверкнули. Педро Гонсалес вдруг побледнел и опустил голову, не в силах выдержать беспощадный взгляд дона Вальдеса.

Альфонсо Диас подумал со злорадством: «Подделом тебе, пес! Теперь вместо сахарной кости отведаешь кнута, скотина!»

Ему задали еще несколько вопросов, на которые капитан отвечал вполне уверенно и даже спокойно, потому как правду говорить легко и приятно, а затем вернули в уже знакомую камеру, где он и протомился в полном неведении о своей дальнейшей судьбе больше недели. Все это время Диаса вполне сносно кормили, хотя на качество пищи ему было наплевать; он ел машинально, даже не замечая, что находится в миске, и даже дали по его просьбе Евангелие.

За ним снова пришли на седьмой день. Два стражника с каменными лицами повели его не на второй этаж, где располагался зал судебных заседаний, а вниз, в подземелье. Капитан помертвел: неужели конец?! Осудить его еще не успели, значит... Он едва не застонал от отчаяния. Значит, его будут пытаться! Матерь Божья, спаси и сохрани меня!

Действительно, Альфонсо Диаса привели в пыточный застенок. Достаточно обширное помещение было мрачным и казалось преддверием ада, находившемся в дальнем конце пыточной, – там был устроен очаг, и ярко горящие уголья вполне могли сойти за вход в преисподнюю. Огонь в очаге с похвальным усердием раздувал с помощью ручного меха горбун в сутане; красные отблески пламени, падая на изуродованное шрамами лицо монаха, превращали его в дьявольскую маску.

Второй палач стоял возле большого стола, на котором лежал Жуан Алмейду. Штурман был без памяти. Стол при ближайшем рассмотрении оказался дыбой – ноги и руки штурмана были зафиксированы при помощи деревянных плашек. Обычно жертву растягивали, причиняя ей невыносимую боль, часто до тех пор, пока мускулы не разрывались. Но Жуана Алмейду не только растягивали на дыбе, но и пытали каленым железом. В пыточной был слышен отвра-

тительный запах горелого человеческого мяса, и дон Фернандо Вальдес, брезгливо морщась, прикладывал к лицу белоснежный кружевной платок, смоченный ароматическими маслами.

Видимо, несчастный штурман знал что-то очень важное, если сам Великий инквизитор счел необходимым присутствовать во время пытки. В этом крылась какая-то важная тайна – кроме него и двух палачей, в пыточной камере никого не было.

– Вас привели сюда для того, чтобы вы раз и навсегда усвоили – никто не может сбежать, скрыться от святой инквизиции, – безо всякого предисловия сказал дон Вальдес. – С божьей помощью мы отыскиали этого еретика, и он во всем сознался.

Великий инквизитор поднял не по-стариковски зоркие глаза на Альфонсо Диаса, и капитану едва не стало дурно: что сказал о нем под пыткой Жуан Алмейду?!

– Вы можете быть спокойны – вас обвинять не в чем, – словно подслушал его мысли дон Фернандо Вальдес. – Разве что в неумении разбираться в людях. В дальнейшем это обстоятельство может сослужить вам плохую службу. Вы свободны, сеньор капитан. Груз вашего корабля в целости и сохранности, матросы ждут вас. Но из Севильи не уходите. Торгуйте своими товарами и ждите дальнейших указаний. Вам предстоит выполнить опасную миссию во благо Святого престола. Вскоре вы отправитесь в плавание. Все ваши расходы по оснащению судна будут оплачены.

– Но... у меня нет штурмана...

– Штурман у вас будет. Это я вам гарантирую. Прощайте, капитан.

С этими словами Великий инквизитор поднялся с небольшого креслица – наверное, специально доставленного для его сиятельной персоны в это мрачное подземелье – и вышел из камеры. Альфонсо Диас перевел дух и почувствовал, что к нему начала возвращаться жизнь – до этого он уже считал себя покойником.

Набравшись смелости, капитан подошел к дыбе. Палач – судя по всему, он был глухонемым – почтительно отошел в сторону, присоединившись к горбуну, который в этот момент доставал из корзинки вино и вяленое мясо, чтобы подкрепиться после «трудов праведных».

Жуан Алмейду уже очнулся. На него страшно было смотреть. Истерзанное пытками обнаженное тело штурмана казалось одной сплошной раной. И тем не менее он еще мог здраво соображать и даже говорить. Пораженный представшим перед ним зрелищем до глубины души, Альфонсо Диас с трудом выговорил:

– Жуан... это не я. Я не предавал тебя. Не предавал!

– Знаю... – Ответ португальца был похож на шелест тихого ветра. – Спасибо, капитан... за все. Я уже не жилец на этом свете... но у меня есть к тебе одна просьба...

– Можешь не сомневаться, я исполню ее!

– Не требую от тебя никаких клятв... прошу, как друга, – накажи негодя. Он должен умереть! Ты знаешь, о ком я...

– Знаю... – Ненависть исказила черты лица капитана «Ла Маделены». – Божественное провидение иногда запаздывает, но я постараюсь его ускорить.

В это время в пыточную вошли стражники, и Альфонсо Диаса повели к выходу из подземелья. Он бросил последний взгляд на штурмана, но тот уже отключился от окружающей действительности – лежал с закрытыми глазами и, казалось, даже перестал дышать.

Замок Трианы остался далеко позади, а капитан «Ла Маделены» все никак не мог заставить себя замедлить шаг. Наверное, он бежал бы, не будь на улицах Севильи вооруженной до зубов стражи; еще заподозрят в каком-нибудь преступлении, и придется тогда узнать, чем пахнет перепревшая солома, которой набиты тюфяки в камерах городской тюрьмы.

«Господи, как же хорошо!» – думал Альфонсо Диас, жадно, полной грудью, вдыхая воздух. По правде говоря, изрядно зловонный (он как раз проходил мимо скотобойни). Но это обстоятельство нимало не смущало недавнего узника святой инквизиции. Что такое неприят-

ные запахи по сравнению с тем, что довелось испытать несчастному Жуану Алмейде! Но чем же он столь сильно провинился перед Святым престолом?

Так уж вышло, что в этот момент вопрос, мучивший капитана, обсуждался на самом высоком уровне. Альфонсо Диаса задержали некоторые формальности, и он вышел ближе к обеду, когда Великого инквизитора принимал король Филипп II.

Легкое презрение и скука – обычное выражение удлинённого лица монарха с массивной нижней челюстью и небольшой рыжеватой бородкой – и на этот раз ему не изменило, несмотря на большую важность сведений, которые принес дон Фернандо Вальдес. По строгому испанскому этикету в кабинет короля не имели права входить даже гранды Испании, только кардиналы и вице-короли, а креслу короля под балдахином, нередко пустому, необходимо было кланяться. Но для Великого инквизитора было сделано исключение – он мог получить аудиенцию у короля в любое время и в любом месте.

Филипп верил, что совершает истинно благое дело, отстаивая католицизм по всей Европе. Он был королем-тружеником, проводившим по двенадцать часов в своем кабинете. Король два-три часа ежедневно проводил на коленях в молитве, ел обычно один, а затем опять принимался за работу. Он вникал во все мелочи, и хотя проявлял при этом недюжинный ум, мелочей все равно оставалось больше – они множились, как весенние мухи. Однажды папа римский Пий V ехидно заметил ему: «Ваше Величество так много времени уделяет этим занятиям, что когда приходит время исполнять решения, уже исчезает их причина».

Король относился к главному инквизитору весьма благосклонно. Может, потому, что их характеры были сходны. И тот и другой были фанатичны, жестоки и беспринципны. Возможно, на характер Филиппа II сильно повлияло то обстоятельство, что он вырос без отца, так как Карл V почти двадцать лет не был в Испании. Отец, имевший корни в Нидерландах и Бургундии, был императором Священной Римской империи и наследником габсбургских земель, а с 1516 года также стал королем Испании и правил, всю жизнь неутомимо путешествуя по Европе и Северной Африке.

В 1555 году Карл V отказался от престола, передав Испанию, Нидерланды, колонии в Америке и Африке с богатыми золотыми и серебряными рудниками и итальянские владения своему старшему сыну Филиппу II. Кроме законного наследника, у Карла V было еще и двое незаконных детей – Маргарита Пармская и дон Хуан Австрийский.

Будущий король Филипп II рос угрюмым, замкнутым. Как и его отец, Филипп II прагматически смотрел на брак, часто повторяя слова Карла V: «Королевские браки заключаются не для семейного счастья, а для продолжения династии». Увы, первый сын Филиппа II от брака с Марией Португальской – дон Карлос – оказался физически и психически неполноценным.

Чисто политическим расчетом был продиктован второй брак двадцатисемилетнего Филиппа II с сорокатрехлетней английской королевой, католичкой Марией Тюдор. Король надеялся объединить усилия двух католических держав в борьбе против Реформации, но через четыре года Мария Тюдор умерла, не оставив наследника, а притязания Филиппа II на руку Елизаветы I, английской королевы-протестантки, были отвергнуты.

Оставив старые резиденции испанских королей Толедо и Вальядолид, Филипп II устроил свою столицу в маленьком городке Мадриде на пустынном и бесплодном кастильском плоскогорье. А в 1563 году неподалеку от Мадрида начали строить Эскориал – грандиозный монастырь, являвшийся одновременно и дворцом-усыпальницей. Едва получив престол, король сразу же принял суровые меры против морисков и маранов, многие из которых продолжали втайне исповедовать веру своих отцов. На них обрушилась инквизиция, принуждая отказаться от прежних обычаев и языка. В этом вопросе Филипп II и Великий инквизитор дон Фернандо Вальдес не имели никаких разногласий.

При вступлении на престол Филипп II был самым могущественным государем в Европе. Многочисленный флот сделал Испанию первой морской державой, а сухопутные войска созда-

вали перевес и на материке. Король неуклонно преследовал две главные цели: сохранение католической религии во всех своих владениях, уничтожение старых прав и привилегий областей и безоговорочное подчинение их своей неограниченной власти. Но многочисленные войны и строительство Эскориала, несмотря на большие доходы от заморских владений Испании, сильно истощали казну. И Филипп II постоянно искал возможность пополнить ее, нередко пускаясь в авантюры, что было совсем несвойственно его характеру.

В Севилье король оказался случайно. Он не любил путешествовать, как и его отец. Всегда скрытный и молчаливый, Филипп II руководил своим обширным государством при помощи королевских указов и наставлений; он повсюду рассылал эти бумаги и требовал от своих агентов из провинций подробных донесений. Поэтому посещение королем Севильи оказалось для Великого инквизитора большой удачей, так как в противном случае дону Вальдесу пришлось бы трястись до Мадрида в карете по горам, а такие поездки в его преклонном возрасте – весьма неприятное и утомительное занятие.

– ...Ересь тамплиеров снова начала поднимать голову, – докладывал Великий инквизитор. – Мы искали их в наших заморских владениях, а они оказались у нас под боком.

– Так отправьте этого... – Король прищелкнул пальцами, пытаясь вспомнить имя.

– Жуана Алмейду, – подсказал дон Вальдес.

– Отправьте этого португальца на костер, – продолжил Филипп II, будто не расслышав имя штурмана «Ла Маделены». – И дело с концом. Только не нужно большого шума! Тамплиеры – еретики, и этим все сказано. Не надо делать из них героев и невинных жертв произвола короля Франции, коими они выступают среди некоторой части наших идалго.

– Костра ему не миновать. Но Жуан Алмейду поведал под пыткой весьма любопытные вещи.

– Если они касаются его сообщников, новых тамплиеров, то это в вашей юрисдикции, святой отец. Меня не интересуют такие подробности. Есть дела и задачи гораздо насущней, обширней и важней, нежели истребление нескольких неофитов.

– Совершенно с вами согласен! Однако позвольте закончить свою мысль. Оказывается, сокровища Ордена Тампля, которые так и не нашел король Франции, вывезены храмовниками... в Московию!

После этой фразы в комнате воцарилось молчание. Филипп II принимал Великого инквизитора в Алькасаре – королевском дворце, некогда служившем фортом мавров. Король Кастилии Педро I построил дворец на развалинах форта, и теперь мало что напоминало о величии бывших хозяев Севильи. Вход во дворец вел в патио, где росли великолепные розы и апельсиновые деревья, а далее через сад можно было попасть в охотничий домик и двор королевской стражи. От главных ворот вел узкий проход налево, в Патио де лас Донсельяс – Двор фрейлин с остроконечными арками.

Слева от охотничьего домика находились апартаменты Карла V, сразу за ними благоухали цветущие сады с подземной купальней и беседкой. В Алькасаре было много достопримечательностей, радующих глаз, но самой известной считалась спальня мавританских королей – Дормиторио де лос Рейес Морос. Она была великолепно декорирована изразцами в мавританском стиле. На первом этаже находился зал послов – Салон де Эмбахадоре, самое старинное помещение севильского Алькасара, украшенное сводом из древесины кедра, арабской вязью и декоративным фризом. На верхнем этаже находилась королевская часовня, алтарь которой был богато декорирован изразцами работы Никколо Пизано, основателя школы итальянской скульптуры.

Король и дон Вальдес беседовали в апартаментах Карла V. Кабинет, где держали совет два сановных интригана, украшали великолепные французские гобелены, а мозаичные полы и позолоченная лепнина были выполнены искуснейшими мастерами Андалусии. В кабинете

было прохладно, его наполняли запахи цветущих роз, и утопающий в мягком кресле Великий инквизитор, по жизни большой аскет, наслаждался изрядно подзабытой роскошью и покоем.

– Мне хотелось бы услышать, что именно вы узнали от этого Жуана Алмейду? – На этот раз король быстро вспомнил имя штурмана «Ла Маделены»; при этом его голубые глаза, наследство Габсбургов, вспыхнули ледяным огнем.

Великий инквизитор рассказал. Король встал и взволнованно заходил по кабинету. Заметив попытку престарелого инквизитора последовать его примеру, Филипп II жестом приказал, чтобы тот себя не утруждал, и он остался сидеть, что несколько смущало дону Вальдеса.

– Интересно, очень интересно... – Король быстро потер ладонями, словно ему стало зябко. – Насколько мне известно, и французам, и папе удалось найти лишь крохи от большого пирога. А ведь Орден Тампля накопил огромные богатства. И если их вывезли в Московию, то северные варвары, конечно же, не преминули зачерпнуть из этого благодатного источника полной мерой. Поэтому остатки сокровищ тамплиеров вряд ли могут представлять для нас какой-либо интерес.

– Жуан Алмейду сказал, что большую часть сокровищ тамплиеры где-то спрятали.

– Где-то! – нервно воскликнул король. – Хорошо звучит, но это определение весьма расплывчато. Мы ведь не можем послать в Московию герцога Альбу с войсками, чтобы он искал это «где-то».

– У нас есть люди в Нидерландах, которые могут нам помочь.

– У вас уже есть какой-то план? – Филипп II вперил горящий взгляд в дону Вальдеса.

– Всенепременно, Ваше Величество... – Великий инквизитор снисходительно улыбнулся. – С Божьей помощью мы отыщем эти сокровища, ибо это будет во благо Испании и короны, а значит, и истинной веры. – При этих словах король слегка поморщился; уж он-то знал, что святая инквизиция своего не упустит – если все получится, то треть найденных сокровищ осядет в казне дону Вальдеса. – Нам удалось вытащить из Жуана Алмейду имя человека, который охраняет клад рыцарей Тампля. Он живет в Московии.

– Хорошо бы вытащить не имя, а самого хранителя сокровищ, – буркнул король. – Под пыткой португалец мог просто солгать. Ведь проверить его сведения практически невозможно.

– Это вряд ли. В нашем случае ложь исключена.

В голосе Великого инквизитора было столько уверенности, что Филипп II приободрился и спросил:

– Какой помощи вы ждете от меня?

– У нас есть почти все – и нужные люди, и судно, на котором они оправятся в Московию. Дело осталось за малым – чтобы казна выделила деньги на это предприятие.

История дипломатических отношений между Московией и Испанией началась в 1519 году, когда император Священной Римской империи Карл V направил дружеское письмо с извещением о своем вступлении на испанский престол великому князю Московскому Василию III Ивановичу. Ответное послание из Москвы было доставлено в Вальядолид в 1523 году. В великокняжеской грамоте выражалось согласие с предложением императора «жить в искренней дружбе и союзе». Привезший послание испанского короля в Москву подьячий Яков Полушкин стал первым официальным представителем Московии, посетившим Испанию.

29 апреля 1525 года император Карл V со всеми положенными почестями принял в Вальядолиде личных представителей Василия III – князя Ивана Ивановича Засекина-Ярославского и дьяка Семена Трофимовича Борисова, сопровождавших испанских дипломатов на обратном пути из Московии. По возвращении в Москву русские дипломаты привезли важное известие об открытии Америки и о расширении испанских владений в Новом Свете.

– Насчет финансов я распоряжусь, – немного поразмыслив, сказал король. – Возьмете столько денег, сколько нужно. Кроме того, я напишу письмо дону Хуану Московскому. Пусть

миссия будет иметь посольский статус, пусть и несколько усеченный. Дары правителю Московии вам обеспечит казна.

– Все это великолепно, Ваше Величество, однако мы планировали, что наши посланники поедут в Московию под видом обычных купцов. Так проще скрыть тайные намерения. И надзор за купцами не такой тщательный, как за посольством.

– Согласен. Но в письме мы не будем строить далеко идущие планы по налаживанию тесных отношений между Испанией и Москвой. Письмо – это всего лишь любезность с нашей стороны, не более того. В нем будет похвала государственным трудам князя Московского и пожелание крепкого здоровья. А также просьба оказать содействие испанским купцам, чтобы наладить прочные торговые связи между нашими странами. Это тоже, кстати, проблема – мы практически не ведем торговых дел напрямую с москвитями, отдав все на откуп англичанам, и в меньшей степени нидерландским купцам. Это прискорбно.

На этом вопрос был исчерпан и аудиенция закончилась. Дон Фернандо Вальдес ушел, а король продолжил нервно мерить шагами обширный кабинет своего отца. Имя герцога Альбы, упомянутое в разговоре, заставило его вспомнить о донесениях агентов, внедренных в Нидерланды.

Вот уже несколько лет прибытие депеш из Нидерландов неизменно вызывало беспокойство и суматоху в королевской канцелярии в Мадриде. Тревожные и грозные вести приходили из этой отдаленной испанской провинции. Читая их, король Испании мрачнел. Им овладевали ярость и смятение. Он все чаще запирался в кабинете с герцогом Альбой, и они часами говорили о мерах, которые должны были обуздать своенравную провинцию. Доверие отца Филиппа, короля Карла V, к Фердинанду Альваресу де Толедо, герцогу Альбе, было безгранично. Он сделал его воспитателем своего сына и наследника, а отрекшись от престола, рекомендовал Филиппу II герцога как самого преданного и надежного слугу.

Далеким Нидерланды были подлинной жемчужиной могущественной испанской державы. Многочисленные нидерландские города были населены искусными мастерами. Здесь ткали тончайшие шелковистые сукна, драгоценные ковры и гобелены, выковывали замечательное оружие, создавали чудеса ювелирного искусства, строили сотни быстроходных кораблей. Голландские купцы и мореплаватели бороздили все моря и океаны. Несмотря на исключительное право испанцев вести торговые сделки с заморскими колониями, их несметные богатства немедленно переключивались в Нидерланды, где город Антверпен стал общепризнанным центром европейской торговли.

Богатые купцы и мастера привилегированных цехов в Нидерландах наживали огромные состояния. Их пышные платья, роскошные дворцы и великолепные пиршества поражали воображение чванливых, но бедных испанских дворян, толпами устремлявшихся в Нидерланды. К тому же провинция обладала множеством старинных вольностей и привилегий, которые позволяли Нидерландам весьма независимо держаться по отношению к своему государю.

В отличие от отца молодой король был деспотичным и упрямым. Филипп II решил всецело подчинить провинцию испанским чиновникам. Вольности и привилегии страны начали попирались, в городах бесчинствовали испанские гарнизоны, а католическое духовенство, погрязшее в распутстве и невежестве, нагло вымогало деньги у народа. Каждый, кто протестовал против злоупотреблений церкви, рассматривался как еретик и попадал в лапы инквизиторов. А из ее застенков путь был лишь на плаху или на костер.

Благодаря торговым сношениям, в Нидерланды из соседних стран проникли лютеранство и кальвинизм. В связи с этим Филипп II решился на более энергичные меры, чтобы истребить нидерландскую ересь. Король назначил обер-штатгальтером Нидерландов свою сестру Маргариту, герцогиню Пармскую – умную, энергичную и образованную женщину, и расставил везде гарнизоны из наемных испанских отрядов вопреки старым нидерландским правилам, по кото-

рым иностранные войска не допускались в города. Протестанты начали подвергаться заключению, пыткам и торжественному аутодафе.

Но народ встретил аутодафе иначе, чем в Испании. Испанцы сбегались на это зрелище, как на праздник, а нидерландцы смотрели на него с ненавистью. Введение инквизиции было решительным нарушением нидерландских привилегий. Нидерландские дворяне большей частью оставались верными католицизму, но ненавидели инквизицию и решили противиться ей всеми силами. Они составили между собой союз, члены которого стали известны как «гёзы», то есть «нищие».

Это название произошло по следующему случаю. Однажды несколько сот дворян съехались в Брюссель и в торжественной процессии отправились к дворцу правительницы, чтобы подать ей просьбу об отмене строгих мер против еретиков. При виде такого числа просителей Маргарита смутилась. Тогда один из ее советников заметил ей, что нечего бояться «этих нищих». Дворяне узнали об этом и с тех пор сами стали называть себя гёзами. Во главе недовольных находились принц Вильгельм Оранский и граф Эгмонт, которые занимали должности штатгальтеров.

Однако строгости только раздражали народ, так что в некоторых местах чернь принялась выбрасывать из церквей иконы и ломать католические часовни. Услышав об этом, Филипп II решил усилить преследования. Вместо своей сестры Маргариты Пармской, которая не смогла справиться с народными волнениями по причине мягкого характера (как считал Филипп), он уже подумывал сделать правителем Нидерландов герцога Альбу, человека мрачного и крайне жестокого.

Все эти обстоятельства волновали Филиппа II гораздо больше, чем сокровища тамплиеров. Тем не менее король понимал, что в случае удачи предприятия, предложенного Великим инквизитором, у него появится достаточно средств, чтобы увеличить численность армии и каленым железом выжечь еретическую скверну из провинций Испании, тем самым упрочив положение католической церкви.

«*Omnia in maiorem dei gloriam*»³³, – прошептал Филипп II, истово перекрестился и покинул кабинет. Чтобы привести в порядок мятущиеся мысли, он решил немного побродить по саду.

³³ Всё для вящей славы Божьей (лат.).

Глава 2

Чертов город

Глеб Тихомиров, пират от археологии, кандидат исторических наук и закоренелый холостяк, пребывал в унынии. Он валялся на диване в своем кабинете и тупо пялился в потолок. Возле противоположной стены бормотал телевизор – очередной умник рассуждал, как выйти из кризиса и избавиться от коррупции. На кухне остывал чайник – Глебу лень было подняться, чтобы заварить чай, а по обоям над его головой деловито сновал паучок – время от времени он срывался со стены и раскачивался на невидимой паутинке. Но даже акробатические номера паучка не могли избавить молодого человека от хандры. Жизнь казалась ему постылой, погода за окном – отвратительной (шел противный мелкий дождь), кроме того, не мешало бы взбодрить себя доброй порцией виски или крепким коктейлем и поболтать с какой-нибудь девицей, но для этого нужно было одеваться и топать в ближайший бар, что и вовсе выглядело утопией – Глеб не мог заставить себя даже переменить позу.

Этот год совсем не задался. Он наконец закончил работу над докторской диссертацией, которую по настоянию отца, Николая Даниловича, археолога с мировым именем, мусолил несколько лет и передал все бумаги в ВАК – высшую аттестационную комиссию. Дело оставалось за малым – ждать, когда назначат защиту. А это событие могло случиться и через месяц, и через два, и через год – когда академики дадут «добро». По этой причине Глеб так и не смог выбраться в «поле», чтобы отвести душу – поковыряться в земле в поисках археологических ценностей.

Отец и сын Тихомировы были потомственными «черными археологами», кладоискателями. Но если Николай Данилович остепенился и стал мировой известностью, что предполагало вполне официальный статус и никаких левых номеров, то Глебу эта законопослушная рутина была как ошейник для раба. Для него кабинетная работа, а тем более нудные академические раскопки, когда нужно учитывать и описывать каждый черепок, были горше полыни. Тихомиров-младший всегда был нацелен на поиск сокровищ или артефактов, притом не абы каких, а уникальных.

Ради этого он долго и кропотливо вел архивные поиски, но когда принимался за дело, то ему почти всегда сопутствовала удача. Среди «черных археологов» Глеб Тихомиров слыл счастливчиком; к его мнению прислушивались и относились к нему с уважением – прямо скажем, не по возрасту.

Увы, в этом году он оказался в глухом пролете. В голове не было ни одной здоровой идеи, а в потертой кожаной папке – ни единого намека на план будущих изысканий. Все выходило на то, что это лето ему придется коротать не на природе, а в каменных городских джунглях с их отвратными запахами выхлопных газов и плавящегося под жарким солнцем асфальта. К тому же большей частью в гордом одиночестве – отец постоянно выезжал за границу (где находился и в данное время). Николая Даниловича привлекали в качестве консультанта многие антикварные салоны, богатые коллекционеры старины и даже аукционный дом «Сотбис».

Телефонный звонок вернул Глеба из состояния нирваны в тусклую действительность. Звонили не по мобилке, а по городскому, что сильно удивило будущего доктора «окололесьских наук», как с насмешкой именовал себя Тихомиров-младший. К своей карьере в качестве серьезного ученого он относился с нескрываемым сарказмом.

«Батя, давай кинем на лапу нужным людям, чтобы мне не мучиться на защите диссертации, – говорил он Николаю Даниловичу. – И вообще кому все это нужно?! Доктор наук! Тоже мне птица... В наше прагматичное время гораздо выгодней и престижней быть простым копателем могил на кладбище, нежели ковыряться в земле ради мертвой науки. Именно так

– мертвой. Перестройка уложила ее в гроб, а нынешние господа окончательно хоронят. Когда какая-нибудь подруга спрашивает о моей профессии, у меня язык не поворачивается сказать ей правду».

«Болван! – сердился отец. – Не смей так говорить о науке! Да, современным богатеям не нужны умные люди, им проще управлять безграмотным быдлом. Но знания – это как зерно, брошенное в землю, – все равно когда-нибудь проклюнется и вырастет хлебный злак, чтобы накормить голодных. Человечество всегда стремилось к знаниям. Это стремление не смогли убить ни папская инквизиция, ни феодалы, ни крепостники, ни те, кто пытался уничтожить Святую Русь физически».

Тяжело вздохнув, Глеб сделал над собой нечеловеческое усилие и встал с дивана. Подняв трубку, он сказал «Алло!» и услышал в ответ уже несколько подзабытый голос Федюни Соколкова:

– Привет, старик!

– И что дальше? – недовольно поинтересовался Глеб.

Федюня слыл незаурядной личностью в мире «черных археологов». Никто не знал, сколько ему лет, а сам он не открывал никому эту «великую тайну», изображая из себя красную девицу. Лицо у Федюни было рябоватым, большие голубые глаза ему словно нарисовали, не пожалев краски, а тощая, поджарая фигура вызывала ассоциации с охотничьим гепардом – Соколков и впрямь был быстрым, шустрым и весьма непредсказуемым. Анархическая натура часто бросала его во все тяжкие, и как ему удавалось выпутываться из опасных ситуаций, было ведомо только Федюне.

Иногда Федюня наталкивался на такие находки, что даже Тихомировым, большим спецом в «черной археологии», было завидно. Соколков от природы обладал уникальным чутьем. Если Глеб в основном брал «наукой» – рылся в архивах, искал старинные карты и дневники, «листал» странички Интернета, то Федюня рыскал по «полю», как охотничий пес, надеясь на свой потрясающий нюх на артефакты и удачу. И они его редко подводили.

Короче говоря, Федюня был одним из последних романтиков кладоискательского промысла. Он мог поверить рассказу какого-нибудь проходимца, бросить все – даже верное дело – и отправиться за тридевять земель искать то, что там никогда не лежало. Но самое интересное: пока его знакомые смеялись над ним и обзывали простофилей, Федюня раскапывал на гиблом месте такое, что у «черных археологов» потом отвисали челюсти по причине дикого изумления и сочился изо рта яд от зависти.

Глебу довелось всего раз поработать вместе с Федюней Соколковым, когда они искали сокровища гетмана Полуботка, но и этого оказалось достаточно, чтобы он закаялся впредь иметь с ним дело. И не только потому, что Тихомиров-младший не любил, когда под ногами у него путается партнер. Из-за Федюни они тогда едва не сплели лапти, и только счастливый случай помог им избежать печальной участи чересчур самоуверенных и настырных «черных археологов» – остаться навечно в мрачном подземелье, чтобы составить компанию древним скелетам.

– Глеб, у меня есть такая штука! – Федюня совсем не обратил внимания на неприветливый тон Тихомирова-младшего. – Уверен, что ты обалдеешь, когда увидишь ее!

– Отстань, Федор, – устало сказал Глеб. – Мне это неинтересно.

– Да что ты говоришь? Ну-ну... Значит, средневековый кубок с надписью «Братство военных всадников Святого Георгия Победоносца» тебе до лампочки. Что ж, бывай...

– Постой! – вскричал Глеб.

На него словно вылили ушат ледяной воды. «Братство военных всадников Святого Георгия Победоносца!» По легенде, так именовали себя тамплиеры, которые якобы сбежали от инквизиции и поселились в России, а точнее – в Москве.

– Дуй ко мне! – сказал он Федюне. – Ты далеко?

В трубке раздался довольный смех, и Федюня ответил:

– В двух шагах от твоего дома. Звоню из автомата.

«Вот сукин сын, вот змей! – подумал Глеб и пошел в ванную, чтобы умыться и почистить зубы. – Знал, чем меня ущучить. И был уверен, что я сдамся без боя...».

Федюня, как обычно, источал оптимизм. Казалось, он весь светился, а его глаза сверкали, как два сапфира чистой воды. Одежка на нем была неказистая, но сидела так ладно, словно Федюня был по меньшей мере одним из тех юных мальчиков, которые вышагивают по подиумам. Вот только его годы убежали далеко вперед, правда, это можно было определить только вблизи.

– Показывай! – Глеб нетерпеливо посмотрел на пластиковый пакет, в котором Федюня принес раритет.

Соколов достал газетный сверток, развернул его и поставил на стол перед Тихомировым-младшим неказистый оловянный кубок с помятыми боками.

– Достал из-под завала, – объяснил состояние вещи Федюня.

Кубок напоминал обычный граненый стакан, только раза в полтора выше; его верхний ободок был загнут, из-за чего сосуд напоминал дуло старинного мушкетона. Круговая надпись «Братство военных всадников Святого Георгия Победоносца» витиеватым старославянским шрифтом находилась в верхней части кубка, вплетенная в чеканный растительный орнамент; так сразу ее и не заметишь. Но внимание Глеба привлекла латыница, которая вообще едва просматривалась; она была у самого доньшка. Ее замаскировали гораздо тщательней, и не будь Тихомиров-младший специалистом высокого класса, он на нее не обратил бы никакого внимания.

«Non nobis, Domine, non nobis, sed Nomini Tuo da gloriam»! Не веря своим глазам, Глеб даже начал ощупывать буквы дрожащими пальцами. Нет, все точно, это девиз рыцарей Ордена Храма! «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему».

Федюня посмеивался.

– Что, зацепило? – спросил он, скаля зубы.

– Не то, чтобы... Кгм! В общем, да, – все-таки признался Глеб. – Продашь?

Многие «черные археологи» толкали свои находки через Тихомировых. В их узком, сильно законспирированном мирке все знали, что только Тихомировы могут оценить вещь по достоинству и заплатить за нее без обмана.

Конечно, ни у кого не было сомнений в том, что археологические раритеты стоили гораздо дороже, чем они получили за свои труды, но попробуй продать их за истинную цену. Для этого нужно было авторитетное заключение специалиста и связи среди антикваров. И потом, хозяева антикварных лавок или коллекционеры, приобретаая у Тихомировых старинную вещь, могли быть совершенно уверены – это именно то, что заявлено, а не какая-нибудь подделка; в археологии и Николай Данилович, и Глеб были профессионалами высокого класса.

– Нет, – ответил Федюня.

– Не понял... Так какого хрена ты тогда ко мне пришел?! – разозлился Глеб. – Продай этот дешевый оловянный стакан какому-нибудь жучиле, и тебе как раз хватит на пузырь и закусь. Все, топай! У меня дел полно, – соврал он, не мигнув глазом.

– А поговорить?

– О чем?!

– Ну, о жизни, и вообще... Тебе что, для старого товарища жалко стопарика? И кстати, кубок вовсе не дешевый, тебе ли это не знать. Но я не жлоб. Кубок твой. Дарю. Так сказать, шубейку с барского плеча.

– Даришь?! – Глеб едва язык не проглотил от изумления.

Естественно, Федюне была известна ценность его находки. Пусть и приблизительная. Он не обладал такими большими познаниями в археологии, как Глеб, но стоимость практически

любой находки мог определить навскидку. При этом ошибался Федюня очень редко. Другое дело, что он не мог продать найденный раритет серьезным людям за серьезные деньги, потому что не вызывал у них доверия из-за своей несолидности и простоватого вида. Многие считали его просто мошенником.

– Именно, – ответил Федюня. – Но с одним условием.

– И что это за условие? – с подозрением спросил Глеб.

– Мы составим компанию и, как в старые добрые времена, вместе выйдем в «поле». Я нашел такое козырное место – пальчики оближешь. Но сам не потяну. Там нужно специальное оснащение, а у меня нет денег, чтобы его купить. И потом, с твоим опытом...

Глеб едва не застонал. Опять! Федюня снова подбивает его на очередную авантюру. Если говорит про специальное оснащение, значит, придется лезть под землю. О-о, нет, с меня хватит! Но, с другой стороны, этот кубок... Тамплиеры в России! Какой шарман! Чертовски интересно... И что ему в конце концов терять? Пока ВАК отелится с его защитой, он успеет хорошо размяться на природе.

«Найдем, не найдем что-то – какая разница? – размышлял Тихомиров-младший. – Главное – процесс. Наконец, приз – кубок тамплиеров – у меня уже в руках. А он дорогого стоит. И дело даже не в цене, а в его значимости. Для науки. Ладно, не дури себя – для твоего авторитета в научном мире, мил дружок. Который пока зиждется в основном на заслугах бати. Доказать (притом с фактами в руках!), что рыцари Ордена Храма имели тесные отношения с Москвой – что еще нужно для блестящей научной карьеры?.. Господи, о чем я думаю?! Какая блажь лезет в голову! На кой хрен мне эта карьера?! Главное в данной ситуации – немного развеяться. А то я что-то совсем закис... Ладно, решено! Совратил-таки, змей искуситель!».

– Даешь гарантию, что мы прокатимся не впустую? – спросил Глеб.

– Ну, ты спросил... Я могу гарантировать лишь массу впечатлений.

– А что подсказывает твое знаменитое чутье?

– Молчит, сволочь, – сокрушенно ответил Соколов; и тут же поторопился добавить: – Но молчит многозначительно.

– Ну что же, коли так... Придется согласиться, – с деланой неохотой ответил Глеб. – Куда тебя денешь. Товарищей надо выручать.

– Слова не мальчика, но мужа! – обрадовался Федюня. – Так что, по рукам?

– По рукам!

– Как делить будем?

– Шкуру убитого медведя? – Глеб улыбнулся. – Мне подавай когти, сделаю ожерелье. Чтобы перед будущей невестой покрасоваться: вот, мол, какой я козырный охотник. Для тебя, любимая, не то, что медведя, даже мамонта готов завалить.

– А если серьезно? Все-таки оборудование и транспорт будут твоими, да и на харчи у меня денежек нет...

– С тобой все ясно. Как обычно, ты в своем амплуа: дайте, тетка, воды напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде, да и не с кем. Если дело стоящее и оно выгорит, то делим добычу пятьдесят на пятьдесят. Естественно, за вычетом моих расходов.

– Нет, это неправильно. В нашей команде ты бугор. Значит, тебе причитается минимум шестьдесят процентов, а то и больше. Все по-честному, я не буду в претензии.

– Не забывай, что идею принес в клювике именно ты. А это уже кое-что. Тем более, если нам подфартит по-взрослому. И потом, ты же знаешь – я не жадный.

– Лады! – обрадовался Федюня. – Договорились.

– А теперь выкладывай все, что знаешь. Что за местность, где ты откопал этот кубок, ну и прочие исторические подробности.

– Кубок я нашел в Чертовом Городе... – начал Федюня.

– Стоп, стоп! – воскликнул Глеб. – Уно моменто, сеньор, как говорят итальянцы. Дай-ка я загляну в свою «копилку», чтобы шибко не утруждать твой язык.

Он включил компьютер и открыл папку, где были собраны практически все известные места в мире, в которых, по преданиям или благодаря каким-либо иным сведениям, могли храниться клады. Наверное, многие «черные археологи» хотели бы заглянуть в файлы «копилки». Хотя бы потому, что часть из них были не просто байками, а вполне конкретными объектами, с картой местности, координатами и даже планом работ – как искать, где копать, какое нужно оборудование и что можно там найти, притом с большой вероятностью.

Все эти файлы были многолетними наработками потомственных кладоискателей Тихомировых. К сожалению, копать можно было не везде, и Глеб с отцом терпеливо ждали, когда появится хоть какая-нибудь, пусть малейшая, возможность потревожить прах столетий без надсмотрщиков из официальных структур. При всем том Николай Данилович, несмотря на свое профессорское достоинство, в душе так и остался пиратом от «черной археологии», хотя и отставным, – эдакий солидный боцман Сильвер, только с двумя вполне здоровыми ногами и без попугая, орущего по поводу и без: «Пиастры, пиастры!».

Чертов Город (или, по-другому, Чертово городище), судя по фотографиям и рисункам, представлял собой высокий холм с беспорядочно нагроможденными на его вершине и склонах глыбами песчаника. На западном склоне холма находился крутой обрыв, обнажающий скальное основание горюшки. Там же находились несколько неглубоких гротов.

Но еще в XIX веке там было не просто хаотическое нагромождение камней, а искусственное сооружение. В файле была приведена выдержка из книги «История церкви в пределах Калужской губернии»: «Недалеко от древнего Ржавца, в глуши леса, называемого Аржавским же (составляет часть древней Лихвинской Засеки) есть замечательное место – развалины какой-то исторической постройки, на которую потреблены камни огромной величины, взятые, по-видимому, издавна, ибо вблизи каменных ломок не имеется. Здание было занесено на большое пространство и выложено до половины окон; вокруг на значительном расстоянии лежат такие же большие камни, а часть их разбросана в одном направлении, по пути к зданию с поля. О древности этой постройки свидетельствуют вековые деревья, растущие внутри нее и давно поросшие мхом стены. Народное воображение населяет это таинственное место духами, называя его “Чертово городище...”».

Автор «Калужских губернских ведомостей» в 1891 году писал: «Живя в Козельске, я несколько раз слышал, что где-то в глуши леса существует какая-то каменная постройка, известная под названием “Чертово городище”. Заинтересовавшись этим, я вознамерился как-нибудь лично посмотреть это место. Еще более усилилось во мне это желание, когда я случайно прочитал книгу “История церкви в пределах нынешней Калужской губернии”, сочинение иеромонаха Леонида, который в настоящее время состоит наместником Троице-Сергиевой лавры...». И далее, после посещения Чертова Города: «...Стены его были выложены из гигантских камней, внутри и вокруг них росли деревья, а к одной стороне было пристроено что-то вроде крыльца – также из больших камней. Прямо под постройкой находилась глубокая пещера с длинными ходами, которые, по легендам, тянулись до Доброго монастыря, что под городом Лихвином».

В конце статьи автор сделал заключение: «Предположить же что-либо самородное никак нельзя, так как ясно видно, что сооружение сделали при помощи искусственных сил. Увы, описания этого “здания” со схемами и размерами найти не удалось. Тем не менее, два источника конца прошлого века одинаково описывали стоящее на вершине холма “подобие какого-то дома”. Никаких сведений о назначении и времени строительства этого сооружения ни в письменных, ни в устных источниках обнаружено не было».

Старожилы окрестных поселений рассказывали, что в начале пятидесятых прошлого века, когда для строительства понадобился камень, местное стройуправление решило брать его

на городище. Заложили заряды, взорвали их, вывезли несколько тракторных тележек камня, как вдруг пришло указание (сверху!): самодеятельность прекратить – якобы камень для производства щебня не подходит.

«Странно, – подумал Глеб, – очень странно... Конечно, сверху тогда было видней, что, где, когда и как делать, но, судя по геологическим данным, камень Чертового Города принадлежал к подходящей для строительства категории. Что заставило вышестоящее начальство быть столь нерачительным, чтобы не использовать местные ресурсы? Ведь потом пришлось возить щебень за тридевять земель, что в те времена жесточайшей экономии было просто преступлением. И потом, имеется приписка, что взрывы в пятидесятые годы – ничто по сравнению с работами тридцатых годов, когда из урочища вывозили огромное количество камня для городского строительства.

Глеб читал: «Информаторы из старожилов описывали огромные глыбы, размером с дом, стоявшие на холме и окруженные кольцевым рвом, рассказывали о кольце из стоящих вертикально камней, о каменной аллее, ведущей с холма. Почти все старики помнят обширные подземные коридоры, образующие сложный лабиринт; они вели в глубь горы и, похоже, были вырублены искусственно. Высота их была метра два, а пройти подземелья до конца не удавалось никому – виной тому был не только страх, но и ядовитый газ, заполнявший глубины. И все же, очевидцы помнят каменные столы и лавки, ступени, ведущие вниз. Они говорили, что ничего общего с существующим небольшим гротом старые подземелья не имели – вход в них находился ниже».

Официальная наука описывает это место так: «Под именем Чертова Города (Чертова городища) известны естественные выходы скал песчаника. Ботаников весьма удивляет произрастание на территории памятника реликтовых растений: мха шистостеги и особенно папоротника многоножки. В настоящее время основной ареал распространения папоротника находится в Карелии, и нахождение его в средней полосе России необъяснимо. Проведенные в 1987 и 1991 годах раскопки показали, что городище здесь в I–V веках действительно существовало, при этом для того времени оно было хорошо укрепленным. Археологи сделали уникальную находку: опознали в лежащей на поверхности глыбе песчаника культовый камень. Кроме этого, место считается малоактивной аномальной зоной. Часто бывают случаи необъяснимой потери ориентации».

В конце файла стояли вопросы, на которые пока не удалось ответить: «Что такое Чертово городище: древнее святилище славян в честь бога Свентовита или легендарный Дедославль, город жрецов вятичей? Кто оставил наскальные рисунки и высверлил отверстия в камнях? Было ли оно крепостью на древней Засечной черте или славянским городищем? Кто вырубал систему пещер в скалах?» И примечание: «Чертов Город и местность вокруг него объявлены памятником природы всероссийского значения и включены в границы национального парка «Угра»».

– Вот теперь ситуация начала проясняться... – Глеб вдруг почувствовал знакомый зуд исследователя, которым он всегда заболел перед выходом в «поле».

Неужели Чертов Город – это замок тамплиеров, перебравшихся в Московию?! Замок, построенный на месте древнего славянского городища, а может, и капища. Судя по названию, вполне возможно – русский народ не очень жаловал иностранцев. Тем более чуждых православию монахов и проповедников. А Орден тамплиеров как раз и был монашеским, считавшим своим долгом «просвещать» забитых варваров и язычников – чаще всего огнем и мечом – и обращать их в «истинную» веру.

– О каком завале ты упоминал? – спросил Глеб.

Федюня стоял за его спиной и тоже читал текст файла, дыша над ухом смесью лука, кислых щей и водочного перегара. Глеб морщился, но стоически терпел – ради такого дела он

готов был идти на любые жертвы. Похоже, Федюня, как обычно, сам не ведая того, напал на поистине золотую жилу.

– Понимаешь, мне давно долдонили про этот Чертов Город. Кто-то из наших туда сунулся, но у него вышел облом. Будто бы там хороводит нечистая сила. Такого понарасказал... Короче говоря, все это брехня. Ты знаешь, я не шибко суеверный, поэтому плюнул на все эти байки и попер в Угру как на буфет. Вход в подземелье искал долго, сразу скажу. У меня ведь нет твоей заграничной аппаратуры. Уже хотел было сваливать оттуда, несолоно хлебавши, но помог случай. Разыгралась сильная буря (меня вместе с палаткой едва не унесло) и вывернула с корнями старое дерево. Утром я пошел искать сушняк, чтобы разжечь костер. Глядь, а под выворотнем – дырища, будто медвежья берлога. Ну я и залез туда... Слышь, Глеб, а как насчет опохмелиться? А то у меня что-то совсем в горле пересохло. И шарики в башке катаются со скрипом. Вчера мы с нашими ребятами маленько посидели, вспоминая «боевые» будни... Тебе, кстати, привет от нашей кодлы. Уважает тебя народ...

– Мне леща можешь не бросать. Я и сам не против принять пару стопариков на грудь. Если, конечно, где-нибудь завалялась капля спиртного. Порулили на кухню...

У Глеба нашлось полбутылки виски и палка такой засушенной колбасы, что ею можно было забивать гвозди. Хлеба в хозяйстве не водилось, обошлись галетами. Когда Глеб оставался дома один, он предпочитал обедать, а часто и ужинать, в ресторане – в средствах Тихомировы не были сильно ограничены. Благодаря консультациям, которые отец и сын давали состоятельным собирателям старинных раритетов, Тихомировы не бедствовали, хотя и не жили на широкую ногу.

Конечно, при желании они давно могли бы стать долларовыми миллионерами. В личной коллекции Тихомировых, большая часть которой хранилась в подвале их двухэтажного дома, в специальной комнате-сейфе, напоминавшей убежище на случай ядерной войны, были такие артефакты, что им мог позавидовать любой музей мира. Но и Глеб, и Николай Данилович привыкли жить скромно, особо не выделяясь и не выпендриваясь. Работа в «поле» не предполагала изнеженность натуры, поэтому оба были сухими, поджарыми, как хорты, и довольствовались малым без ущерба для здоровья и репутации.

Федюня осушил две рюмки подряд, прежде чем продолжил свой рассказ:

– Залез я туда – мамочки родные! А там коридор, как в кремлевских подземельях, только сложенный не из кирпича, а вырубленный в песчанике. Со сводом! Стою я с фонариком в руках и думаю: куда податься? в какую сторону? Плюнул через левое плечо три раза – на всякий случай – и потопал направо. Шел недолго – уперся в завал. А у меня ни кирки, ни лопаты. Там столько камней, что я ковырялся бы с ними до нового пришествия. Вернулся обратно. Пошел в другую сторону. Твою дивизию! – опять потолок коридора обвалился. Но не так сильно. Тут уж я приложил все силы и наконец пробился на другую сторону. В этом завале я и нашел кубок. А больше ничего...

– Ну-ну, что дальше было! – нетерпеливо подогнал его Глеб.

– Так я и говорю: дальше – ничего. Не прошел я по коридору и двадцати метров, как вдруг моя канарейка сначала запела, будто ей кто винца в поилку плеснул, а потом зашаталась – и брык. Тут уж я почуял неладное: в голове зашумело, все закружилось, едва фонарик и клетку с канарейкой не уронил. Развернулся – и ходу. Выбрался наверх, полчаса трупиком лежал. Но потом оклемался. И канарейка тоже ожила, зачирикала...

История с канарейкой Федюни была еще той песней. Он где-то вычитал, что в старину, проверяя, нет ли в забое опасных газов, шахтеры брали с собой эту птичку. Будто бы канарейка очень чувствительна к составу воздуха, и если она умирала, люди успевали покинуть шахту до того, как им становилось худо. Глеб лишь посмеивался над этой блажью Соколова. Гораздо проще было довериться современному портативному газоанализатору, нежели

отдаться на милость суеверий. Но Федюня всегда шел против течения общепринятых законов и понятий, и, как подтвердила практика, оказался прав.

– Возьмем с собой и канарейку, – хохотнув, сказал Глеб. – Я выделю ей грант на усиленное питание.

– Знаешь, пока я валялся под холмом практически без чувств, мне такое привиделось... – Федюня индифферентно вздрогнул. – Бр-р...

– Небось рыцари, закованные в латы, на огнедышащих конях...

– Откуда знаешь?!

– Так ведь не исключено, что Чертов Город был прецепторией тамплиеров, бежавших в наши палестины. Хорошо, что ты не узрел в своих видениях, как сжигали Жака де Моле, великого магистра Ордена Храма. Вполне мог бы прочувствовать на своей шкуре, каково это поджариваться на костре инквизиции.

– Чур тебя!

– Только не плюй через плечо! У меня нет уборщицы.

Федюня с сожалением посмотрел на бутылку, которая показала дно, и спросил не без надежды:

– Это все, что ты можешь предложить?

– Увы, мой друг. Как говорили древние, истина в вине. Но ежели его мало, то «путь наш во мраке, среди камней и терний», если верить Библии. Поэтому есть предложение продолжить сей знаменательный семинар по истории Средневековья в каком-нибудь приличном питейном заведении. Ибо я голоден, а значит, голова моя соображает туго. Что не есть «гут», по-немецки выражаясь. Посидим, выпьем, откушаем, что Бог послал, и наметим план на ближайшее будущее. Да, знаю я, знаю, что ты без денег! Не рыдай, сегодня угощение за мной, сегодня я щедрый, потому что ты вернул меня к жизни.

– Это как? – озадаченно спросил Федюня.

– Тебе не понять. Не нужно лезть в высокие эмпиреи. Будь проще, и люди к тебе потянутся. Так гласит современная мудрость, которой следуют нынешние политические деятели, собираясь на свои толковища без галстуков. Все, поднялись и полетели!

На следующий день, не откладывая дело в долгий ящик, Глеб и Федюня занялись подготовкой к предстоящей поездке в Угру. В большом гараже Тихомировых было несколько машин – под разные задачи, но Глеб остановил свой выбор на «Ниве-Шевроле». Она была достаточно комфортной для поездки на дальние расстояния, недорогой (в случае чего, не жалко и расстаться с ней) и надежной. Тем более, что Глеб внес в ее конструкцию некоторые усовершенствования: спецы поколдовали над движком, поставили самовытаскиватель с редуктором, а в дверке салона – там, где водительское место, оборудовали тайник для оружия.

Увы, оружие в беспокойной жизни «черных археологов», нередко изобилующей опасными приключениями, вещь весьма полезная и даже необходимая. Чтобы не держать его на виду и чтобы оно всегда было на подхвате (мало ли какие бывают ситуации), пришлось придумать хитрую штуку – нажал на потайную кнопку, и помповое ружье «Ремингтон» с укороченной пистолетной рукояткой и магазином на семь патронов уже у тебя в руках и готово к стрельбе.

Все остальное – импортный детектор аномалий EXP 5000, предназначенный для поиска пустот в земле и раритетов разных эпох, влагонепроницаемые костюмы в обтяжку с многочисленными карманами, похожие на облачение ниндзя, ботинки с металлическими носами (вдруг камень упадет на ногу), маски с очками, кислородные баллоны, дыхательные аппараты, каски, небольшие ломы, кирки, саперные лопаты, охотничьи ножи, тонкая, но очень прочная бечевка в бухте, фляги для воды, аптечка, мощные электрические фонари, стеариновые свечи, компас, бензиновая зажигалка и еще масса полезных в «поле» вещей – у Глеба всегда было наготове. Оставалось лишь закупить продовольствие, позвонить отцу, чтобы он не беспоко-

ился долгим отсутствием беспутного сына, и на всякий случай перекреститься перед дальней дорогой; больно уж место нехорошее им предстояло обследовать, если судить по файлу.

Федюня, который накануне весьма конкретно приложился к бутылке (дармовое угощение всегда слаще; тем более, что за него не нужно платить), в основном не помогал собираться, а бестолково путался под ногами, пока Глеб не дал ему столик на опохмелку, что Соколов и сделал в ближайшем пивбаре. После этого Федюня повеселел, начал передвигаться не как сомнамбула, и даже напевал какую-то скабрёзную песенку. Он был мастак на похабщину, но ругался красиво, как отставной боцман; вроде, и обидное слово, а на матерщину не очень похоже.

Выехали вечером. Глебу нравилось ездить в ночное время: трасса полупустынна, машин мало, едешь себе в темноте под приятный музончик и «растекаешься мыслию по древу» – ночью хорошо мечталось и вспоминалось, что за каждодневной житейской суетой не всегда возможно. А Тихомиров-младший, при всех его достоинствах и недостатках, был еще и неисправимым романтиком и фантазером. Конечно, он понимал, что все его фантазии – чушь несусветная. Но как здорово очутиться в выдуманном мире, где ты играешь главную роль и никто не может вылить ложку дегтя в твою бочку с медом!

Привал устроили на берегу безымянной речушки, когда начало светать. Палатку решили не ставить, и спали в машине, разложив сиденья. Недолго – часа три. И Глебу и Федюне было не до крепкого сна – их уже будоражила мания первооткрывателей, которая напрочь лишала покоя и нередко толкала даже самых здравомыслящих людей на немыслимые авантюры.

Быстро перекусив колбасой и сыром и запив еду чаем из термоса, они снова пустились в путь. В долину реки Жиздры, где находился Чертов Город, они приехали ближе к обеду. Конечно же путь им преградил шлагбаум – заповедная зона, на машине абы кому нельзя. Но на такой случай в кармане Глеба всегда лежало удостоверение-диплом кандидата исторических наук в кожаной обложке и «ксива», как он именовал бумагу с грифом и печатями Академии наук, в которой говорилось, что Тихомиров Глеб Николаевич направлен в заповедник «Угра» для проведения комплекса научно-изыскательских работ по теме... в общем, бла-бла-бла.

Удостоверение, естественно, было подлинным, ну а бланки Академии наук ему подогнал товарищ, который отирался в верхах. Что касается печатей, то при современном техническом прогрессе их можно было клепать сколько угодно и какие угодно. В конце концов, даже если бы Глеба задержали с этим «документом», друзья-академики отца могли подтвердить его подлинность.

На пропускном пункте им сначала предложили добираться до Чертова городища пешком, чтобы вкусить все прелести дикой природы (ну уж нет! нашли дураков – топать на своих двоих почти пять километров, да еще и с оборудованием на плечах), а затем посоветовали отметить в канцелярии заповедника, но они проигнорировали и этот совет. Еще чего – «засветиться» перед руководством «Угры». Сразу приставят какого-нибудь согладателя, что совсем не входило в планы приятелей.

Машину все же пришлось оставить – неподалеку от Чертова Города. Загнав ее в лес и замаскировав ветками, Глеб и Федюня взвалили на себя тяжеленные рюкзаки и потащились в гору, как два ишака, обливаясь потом. День выдался солнечным, жарким, поэтому даже лесная прохлада не спасала. Деревья (дубы, ясени, вязы, клены) шумели высоко вверх своим кудрявым листом, и, глядя на них, можно было с уверенностью сказать, что леса тут старые, как бы не сказать – древние.

На удачу двух авантюристов-кладоискателей, они не встретили ни одного туриста, хотя для них тут был обеспечен полный комфорт: свежесрубленные мостки через ручьи, в топких местах проложены дощатые тротуары, а на крутых подъемах сооружены где ступеньки, а где лестницы. Это обстоятельство порадовало Глеба, а в особенности Федюню, который страсть

как не любил карабкаться по горам. Его фишкой были тоннели и подземные ходы, даже размером с кротовую нору. Гибкий, как ласка, он мог проникать в любые щели.

Когда Глеб и Федюня приблизились к холму, неожиданно смолкли лесные птицы, и их встретила звенящая тишина. Глеб достал из кармана свой навигатор GPS и с удивлением отметил, что он не работает. «Что за чертовщина?!» – подумал он, но Федюне не сказал ни слова – Соколов иногда становился чересчур мнительным, что вредило намеченным планам. Аппарат заработал лишь тогда, когда они миновали «заколдованное место»; навигатор вдруг оживился и объявил, что они идут со скоростью сорок километров в час. Похоже, у американской штуковины от всех этих российских заморочек крыша поехала.

– Ну и где твоя нора? – нетерпеливо спросил Глеб, когда Федюня сбросил на землю рюкзак, сел, вернее, упал в высокую траву и воскликнул словно герой романов Фенимора Купера, индеец-делавар Чингачгук – Большой Змей: «Хуг!»

– Ты сейчас в нее свалишься, – ответил Федюня и лег, уставившись в небо.

Глеб беспомощно оглянулся и увидел несколько выворотней, изрядно заросших чертополохом. Но никаких провалов под ними он не заметил.

– Что ты дурочку валяешь! – рассердился Глеб. – Здесь ничего нет!

– Я что, похож на лоха? Отдохнуть не даешь... – проворчал Федюня и нехотя встал. – Или ты думаешь, что во всей России только мы с тобой такие ушлые и козырные, у которых хватает смекалки как следует пошарить под Чертовым Городом? Дыру я замаскировал. Смотри...

Федюня подошел с саперной лопатой в руках к ближайшему поваленному дереву, возле которого стоял Глеб, и начал копать. Вскоре показался щит, сплетенный из лозняка, и Соколов сказал:

– Помогай!

Вдвоем они сдвинули плетенку в сторону, и на Глеба пахнуло застоялым воздухом подземелья. Есть!

– Переодеваемся! – скомандовал Глеб. – Не забыл, как работать с аппаратурой?

– Обижаешь, гражданин начальник. Мы хоть и не шибко ученые, но за жизнь держимся цепко. Где мои баллоны?

До завала, о котором говорил Федюня, они дошли быстро. Канарейка, которую Соколов все-таки взял с собой, не обнаружила ни малейших признаков беспокойства, и они, преодолев груды камней, смело углубились в подземелье. В воздухе пахло цвелью и ничем больше. Похоже, газ, которым отравился Федюня, уже выветрился.

– Стой! – Приказ Глеба прозвучал, как выстрел.

– Что такое?! – обеспокоенно спросил Федюня, который шел сзади.

Дыхательные аппараты они пока не применяли, чтобы сэкономить кислород, поэтому его голос раздался пугающе звонко.

– Знак.

– Где? Что за знак?

– Смотри сюда... – Глеб указал место на стене подземного хода.

Там были начертаны два переплетенных кольца – на манер олимпийских.

– И что это значит?

Глеб уже не скрывал радости, которая буквально переполняла его:

– Федор, ты совершил гениальное открытие! Теперь есть шанс доказать, что Чертов Город – крепость Ордена Храма! Это условный знак тамплиеров, обозначающий «Иди прямо»!

– Ну, не я один, а мы вдвоем совершили открытие, – ответил Федюня, который почему-то не испытывал большой радости от потрясающей новости. – Но что толку-то? Мы приперлись сюда ради этого условного знака, или как?

– Терпение, мой друг, терпение... Пойдем дальше. Но надо быть предельно осторожными! Потому что тамплиеры считались большими мастерами устраивать разные хитроумные

ловушки. По преданиям, они научились этому у сарацин. А уж как и откуда к арабам попали эти знания, история умалчивает. Внимательно наблюдай за своей канарейкой. Пока дышится легко и воздух вроде свеж; видимо, тут есть какая-то вентиляция. Но интуиция мне подсказывает, что ухо нужно держать востро.

Они пошли дальше. Подземный коридор имел ответвления, некоторые были полностью засыпаны, будто их взорвали, но, следуя указанию, Глеб и Федюня не сворачивали с прямого пути. Местами им встречались небольшие завалы, но они не представляли собой непреодолимую преграду. Неожиданно луч фонаря высветил впереди что-то непонятное. Это был не завал, а что-то вроде кучи тряпья.

Искатели приключений осторожно приблизились к этому месту и увидели человеческий скелет с остатками ремней и одежды. Это был воин, судя по доспехам и изъеденному ржавчиной мечу. Когда-то на нем был плащ, но от него осталась только черная пыль. Возможно, это был русич, но шлем, сохранившийся лучше всего, стопроцентно являлся рыцарским бацинетом с подвижным забралом и кольчужной бармицей – авентайлом. Такие шлемы совсем не характерны для русских ратников. Разве что этот витязь снял его в бою с поверженного врага.

Но Глеб думал иначе. Он совершенно не сомневался, что перед ним лежат останки рыцаря Ордена Храма. Как тамплиер оказался в подземелье, кто он, по какой причине умер, это узнать уже невозможно. По крайней мере без детальных и длительных исследований. Однако это не суть важно. Главное заключалось в другом – в подтверждении недавно родившейся гипотезы Тихомирова-младшего, что Чертов Город был центром (скорее всего) прецептории храмовников на новых землях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.